

РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

ФСБ



**РУССКИЙ
007**



Сергей Докской

**ДАЙ УМЕРЕТЬ
ДРУГИМ**

Сергей Георгиевич Донской

Дай умереть другим

Серия «Майор ФСБ Олег Громов»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281202
Дай умереть другим: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12267-2*

Аннотация

Майор ФСБ Громов страшен в гневе. Если приходится сражаться с врагами государства. Что уж говорить про его личных врагов! Тем более когда они посмели поднять руку на святое – маленькую внучку Громова! Какой-то Леха Каток, отъявленный беспредельщик, задумал захватить девочку в заложницы, чтобы срубить денег с фирмы ее матери, дочери майора. Зря он это сделал! Громов выходит на тропу войны. Он сам себе хозяин, сам себе начальник. В одиночку «русский 007» вступает в бой с бандитами. У него только один помощник – черный пистолет «хеххлер-кох универсал». В отличие от Громова, пистолет не имеет эмоций. И выполняет свою работу для хозяина без гнева и пристрастия...

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	16
3	23
Глава 2	32
1	32
2	47
Глава 3	59
1	59
2	64
3	72
Глава 4	79
1	79
2	85
3	93
Глава 5	97
1	97
2	104
3	112
4	118
5	123
6	126
7	129

Сергей Донской

Дай умереть другим

«Ни любить, ни ненавидеть» – первая половина всякого житейского благоразумия; «ничего не утверждать и ничего не принимать» – вторая. Но от того мира, в котором нужны такие правила, хочется отвернуться.

А. Шопенгауэр

В конечном итоге проигрывали все – Александр, и Тамерлан, и Наполеон. Разница между героями и так называемыми обычными людьми состоит лишь в том, что герои, прежде чем потерпеть сокрушительное поражение, одерживают множество блистательных побед.
Наблюдение автора

Глава 1

Белое и черное

1

– Мне нужны были деньги, – сказала Ленка. – Понимаешь? Очень!

Что можно ответить на такое заявление? Спросить с ехидцей: «Были? Значит, теперь уже не нужны, надо полагать?» Или бросить что-нибудь философское типа: «А кому они не нужны, деньги?» Но Громову было не до пустопорожней болтовни. Он смотрел на Ленку и видел вместо ее глаз обращенную к нему макушку, которую было так легко и приятно целовать, пока годы не превратили единственную дочь во взрослую, независимую и, в сущности, чужую женщину с крашеными волосами.

Впрочем, теперь от Ленкиной независимости мало что осталось. На протяжении разговора она почти не поднимала головы. Словно сил у нее не осталось даже на такое простое движение. Поглядывать на отца из-под спадавшей на глаза челки – вот и все, на что сейчас годилась майорская дочь.

– Понимаешь? – повторила она с надеждой. Будто ей требовалось отпущение грехов. И будто кто-то мог его дать.

– Не надо оправдываться, – попросил Громов, морщась. – *Этим*, которые требуют выкуп, твои переживания до... – Сунув в рот сигарету, он прикурил и закончил реплику не так резко, как собирался: — ...до одного места.

– Анечке тоже без разницы, каким образом ее мама вляпалась в эту историю! – вмешался новый муж дочери.

Он носил звучное, романтическое имя – Алан, но мысленно Громов называл его исключительно по фамилии – Лепетуха. Благодаря этому человеку его родная дочь теперь тоже была Лепетухой. И даже пятилетняя внучка Анечка. Веселая

семейка Лепетух. Хотя какое тут, к черту, веселье, когда девочку похитили!

– Помолчи! – Ленка вскинула голову, чтобы сверкнуть глазами в сторону супруга. – Без твоих поддевок тошно! И потом, может быть, у тебя имелись идеи получше? Может, ты нашел способ зарабатывать деньги и содержать семью, а?

Алан скрестил руки на груди и скорбно покачал головой:

– Неужели даже в такой момент ты не способна говорить о чем-нибудь, кроме денег?

– А о чем же, по-твоему, я должна говорить? – взвилась Ленка. – Эти уроды требуют за Анечку полтора миллиона долларов! Где их взять? Родить?!

– Если ввязываешься в темную историю, – наставительно сказал Алан, – нужно помнить о возможных последствиях.

Когда он знакомился с людьми и представлялся, многим, особенно женщинам, мерещилось в его имени что-то рыцарское. Это впечатление рассеивалось, как только он начинал говорить. Алан обожал поучать окружающих.

– Помолчи, – осадил его Громов и, взяв дочь за плечи, насильно усадил на стул. – Я хочу еще раз выслушать все с самого начала. Без лишних эмоций и лирических отступлений.

Спокойствие давалось ему нелегко. Но должен же хоть кто-то сохранять здравый рассудок и способность искать выход из создавшейся ситуации? Когда-то о людях его профессии говорили: «чистые руки, горячее сердце, холодная голова» – даже песня была такая. Громов не был склонен идеа-

лизировать свое комитетское прошлое, но соблюдать хладнокровие его обучили досконально, тут бывшие наставники постарались на славу. Случалось, руки приходилось пачкать в крови, а сердце рвалось из груди от перенапряжения, но это никак не отражалось на способности соображать, анализировать и просчитывать варианты. Имелась бы только информация для размышлений.

– Давай, – велел Громов дочери, заменив докуренную сигарету новой, – излагай.

Ленка уставилась на свои переплетенные пальцы и заговорила:

– В общем, три месяца назад я учредила собственную фирму. Наняла альпинистов, занялась размещением рекламных щитов на высотных зданиях, мостах, башнях. Дело для нашего города абсолютно новое. Я первая его начала. Как говорят коммерсанты, заняла свою нишу.

– Вся административная и оформительская работа легла на мои плечи, – вставил Алан.

Плечи у него, кстати, были широкие, литые, но и зад по своим габаритам тоже не подкачал, что мешало назвать его фигуру атлетической.

Сложенный подобным образом человек способен крепко врезать противнику. А вот если тот вздумает дать сдачи, то беда. Комплекция Алана вряд ли позволяла ему бегать с достаточным проворством. Поэтому он принадлежал к той степенной категории мужчин, которые в критических ситуаци-

ях не кулаки сжимают, а скрещивают руки на груди.

– Заказов было меньше, чем я ожидала, – монотонно продолжала Ленка, не удостоившая супруга вниманием. – Честно говоря, мы просто сводили концы с концами, не более того. И вдруг появляется этот тип, Зинчук, один из самых богатых людей нашего города.

– Возможно, самый богатый, – не удержался от реплики Алан.

– Возможно, – согласилась Ленка. Прежде чем продолжить, она судорожно сглотнула, словно ей мешал говорить ком, вставший поперек горла. – Вместо того чтобы просто разместить заказ, – ее голос сделался звенящим, – Зинчук предложил совершенно фантастическую сделку. Его фирма перечисляет мне рубли, которые я конвертирую и превращаю в полтора миллиона долларов. Якобы это предоплата за рекламную кампанию за рубежом. Кто проверит, публиковалась ли реклама в действительности? – Ленка с вызовом посмотрела на отца. – Кто станет шерстить иностранные издания, которых видимо-невидимо?

– Наверное, никто, – согласился Громов. Почти остывший чай вдруг показался ему слишком горьким, чтобы неспешно попивать его в ожидании развязки.

– Вот видишь! – обрадовалась Ленка, как будто она явилась в отцовский дом не за помощью, а за одобрением своих действий. – Говорю же тебе: отличная сделка!

– Махинация, – произнес Громов.

– Что?

– Ладно, сейчас это не важно. Продолжай.

Дочь нахмурилась:

– Короче, я оставила на своем счету пять процентов за услуги, а все остальное перечислила в названный мне кипрский банк. Даже если теперь честно уплатить налоги, мне останется вполне достаточно, чтобы не думать о завтрашнем дне.

– Вот-вот, «не думать»! – съязвил Алан. – Жизненный принцип всех женщин!

– Даже если честно уплатить налоги, – повторил Громов вслед за дочерью. – А что, имеются другие варианты?

Ленка передернула плечами:

– Ну, фирму можно обанкротить... ликвидировать, в конце концов. Это же семьдесят пять тысяч долларов, как ты не понимаешь, папа? Есть, за что побороться.

– Да, солидная сумма, – подтвердил Громов. – Но теперь у тебя требуют полтора миллиона, которых у тебя нет. И на карту поставлена Анечкина жизнь.

Алан шумно втянул в себя чай. Даже в этот простой звук он умудрился вложить толику своего невысказанного негодования.

Покосившись на него, Ленка опять позволила волосам упасть на поникшее лицо. Они служили ей своеобразной ширмой.

– Я пыталась объяснить этим ублюдкам, что деньги были

чужие, – сказала она с надрывом. – Но они ничего не хотят слушать. Вбили себе в голову, что я миллионерша, и точка.

– Насколько я понял, операцию ты провернула еще три дня назад, – медленно произнес Громов. – А вымогатели позвонили вчера ночью. Это плохо.

– Куда уж хуже! – у дочери вырвался нервный смешок.

Громов продолжал размышлять вслух, не отвлекаясь на эмоции:

– Это означает, что у вымогателей больше нет доступа к информации о состоянии твоего счета. Кто-то случайно пронюхал про перечисленные тебе полтора миллиона и решил прибрать их к рукам. Осведомитель рэкетиоров не банковский служащий, иначе сумма выкупа была бы реальной – семьдесят пять тысяч, ну, сто, от силы. А наводку дал посторонний человек...

– Зинчук? – предположил Алан. – Отвратный мужик, между прочим. Он Елену в ночной клуб приглашал, как бы для того, чтобы закрепить деловые отношения... Знаем мы эти деловые отношения!

Со своими широкими плечами и не менее широким тазом Алан выглядел внушительно и непоколебимо. Таких людей трудно убедить в чем-либо, а уж переубедить – и вовсе невозможно. Поэтому Громов обращался в основном к Ленке:

– Зинчуку лучше всех известно, что его полтора миллиона отправились по назначению... Или нет? – Он внимательно

посмотрел на дочь.

– Да что ты, папа! – встрепенулась она. – Я же не кидальщица какая-нибудь, не воровка!

– Уже легче, – констатировал Громов. – Итак, наводку дал человек, мало сведущий в банковских операциях. Чей-нибудь знакомый, родственник... С кем ты имела дело в своем «Интервест-банке?»

Прежде чем ответить, Ленка зачем-то заглянула в свою чашку:

– Меня обслуживала оператор Рая Светлицкая... Или Светличная?

– Ты меня спрашиваешь? – поинтересовался Громов.

– Нет, все-таки Светлицкая, – пробормотала Ленка. – Светличная – это актриса из «Бриллиантовой руки».

– Светличная, Светлицкая! – занервничал Алан. – Какая разница?! Мало ли кто имеет доступ к компьютерной сети банка?! Сейчас столько разных хакеров-шмакеров развелось, что просто жуть! – Он шумно засопел. – В первую очередь следует позаботиться о спасении Анечки, а уж потом искать виноватых, правильно? – Дождавшись от тестя кивка, который легко было принять за согласие, Алан сменил возмущенный тон на доверительный: – Собственно, мы, Олег Николаевич, пришли, чтобы посоветоваться с вами, куда лучше обратиться с нашей проблемой. Вы все-таки в ФСБ столько лет проработали, должны знать эту кухню...

– Советы дают глупцы, а следуют им и вовсе круглые иди-

оты. – Громов смотрел прямо перед собой на оконное стекло, покрытое оплывающими каплями дождя. – Лично я предпочитаю делиться информацией или давать инструкции.

– Да, уж будьте так любезны, просветите нас, темных. – Собственная улыбка, наверное, представлялась Алану саркастической. Но со стороны он выглядел так, будто только что хватил стакан уксусу.

– Вашим делом будет заниматься УВД, то бишь милиция, – сухо пояснил Громов. – Более неповоротливый механизм трудно себе представить. Для того чтобы поставить ваш телефон на прослушивание, следователю придется завести дело, получить соответствующую санкцию в прокуратуре и так далее и тому подобное. Только это не главная беда. – Громов раздавил окурок в пепельнице. – Хуже всего, что к операции будет подключен СОБР или ОМОН. Служат там ребята бравые, спору нет. Автоматы, маски, специальное снаряжение. Но...

– Что «но»? – Ленка вскинула на отца лихорадочно заблестевшие глаза.

Он заметил это, однако продолжал смотреть в окно.

– Полагаю, вымогатели вас предупреждали, чтобы вы не обращались в милицию?

– Ну да. Угрожали, что в противном случае Анечку...

– Я понял, – перебил Громов, не желая слышать продолжения. – Теперь представьте себе, – предложил он, – сколько людей будет в курсе событий, после того как вы напишете

заявление. А еще представьте, что вымогатели установили за вами наблюдение. Или прослушивают ваш телефон.

Алан вскочил и заметался по кухне:

– Я не раз видел телевизионные репортажи об освобождении заложников! – гудел он, неодобрительно косясь на теля. – Как правило, все подобные операции проходят успешно. Ведь действуют специалисты своего дела, настоящие профи.

– Телевизионные репортажи. – Громов покачал головой. – Если бы кому-то вздумалось показывать зрителям провалившиеся операции, то для этого пришлось бы организовать специальную еженедельную передачу под девизом: «Хотели, как лучше, да не получилось, приносим свои соболезнования».

– Я собственными ушами слышал, что в девяноста случаях из ста...

– Даже в девяноста девяти случаях, – оборвал Громов зятя. – *Но только не из ста, а из тысячи.* Просто обнародование подобных данных вызвало бы всплеск преступлений подобного рода.

– И что вы предлагаете? – желчно поинтересовался Алан. – Мы должны сидеть и ждать сложа руки?

– Именно, – подтвердил Громов. – Во всяком случае, пока. Во сколько вам обещали позвонить?

– Между десятью и полуночью, – ответила Ленка совершенно упавшим голосом.

– Вполне достаточно времени, чтобы повидаться с Раей Светлицкой. – Громов встал. – Если она замешана в этой истории, то я выйду на ее сообщников и все улажу.

– А если нет? – прищурился Алан. – Если у вас ничего не получится?

– Тогда и решим, что делать дальше, – просто сказал Громов. – Лена, у тебя есть пропуск в банк?

– Конечно, но он выписан на мою фамилию. И фотография на нем тоже моя. – Перехватив укоризненный отцовский взгляд, Ленка слабо улыбнулась: – Ах да, я же забыла, что ты у нас боец невидимого фронта и подделать документ тебе раз плюнуть.

– Бывший боец, – поправил ее Громов.

Хотя он смотрел не в окно, а прямо на дочь, его глаза сохраняли оттенок предрассветного неба. Ровный серый свет, лучшее определение которому: пасмурный.

Когда тебе за сорок и все твои лучшие воспоминания умещаются в сплюсненной пуле, которую ты носишь на кованой стальной цепочке, каждая осень невольно кажется тебе последней, как в бессмертном хите старины Шевчука.

С каждым годом небо опускается все ниже над твоей головой, а рваные тучи несутся по нему все быстрее, как время, отпущенное тебе для того, чтобы успеть что-нибудь сделать в этой жизни. Ненастных дней почему-то становится больше, погожих – меньше. А дождевые капли с каждым годом кажутся все холоднее и холоднее...

Зябко подняв воротник куртки, Громов выбрался из своей «семерки» на тротуар, вымощенный кремово-розовой фигурной плиткой. В окружении надменных иномарок, сгрудившихся у входа в «Интервест-банк», его машина выглядела бедной родственницей, затесавшейся в богатое общество. Прохожие, не имевшие счастья являться клиентами банка, сутулились и ускоряли шаг, проходя мимо. Фасад здания был специально обустроен таким образом, чтобы неудачникам становилось стыдно за свою несостоятельность. Нет у тебя сбережений, которые хранятся в банке? Тогда проваливай, не путайся под ногами у владельцев заводов, газет, пароходов.

В мраморном вестибюле банка за столом восседал охран-

ник, похожий на Тарзана, впервые обрядившегося в приличный костюм. Неприветливо хмурясь, он проверил у Громова наспех переправленный пропуск и зафиксировал его визит в специальном журнале, прошитом суровой нитью. Второй секьюрити, который топтался на месте так, словно ему жмут туфли, просто проводил Громова бдительным взглядом. Других развлечений у него на службе не было, вот он и старался вовсю.

Отворился, мелодично звякнув, лифт. В его кабине легко было представить себя запертым, как в огромном платяном шкафу из красного дерева. Или даже заживо погребенным в гробу – благодаря мертвенному освещению внутри. Покосившись на свое бледное отражение в зеркальной стене, Громов отвел глаза. Примерно так он выглядел в девяносто втором, после того как схлопотал пулю в предгорьях Карабахского хребта. Во всяком случае, когда добрался до своих, потеряв по дороге не менее трех литров крови.

На третьем этаже, едва створки лифта гостеприимно разошлись в стороны, Громов с облегчением шагнул в просторный коридор, просматриваемый всевидящими глазками видеокамер. За стеклянной дверью размещался операционный зал, напичканный компьютерами, оргтехникой и элегантной мебелью из прессованных опилок. Здесь царили девицы, одетые в почти идентичные костюмчики нейтральных цветов. От посетителей их отделяла стойка и завеса сильных парфюмерных ароматов. Запах цитрусовых, яблок, арбузных

корок. Словно в фруктовую лавку попал по недоразумению.

И еще один малоприятный сюрприз ожидал Громова. Итскав взглядом нужную табличку, он обнаружил, что место Раисы Светлицкой, которая, по описанию дочери, являлась коротко стриженной блондинкой, занято девицей с иссиня-черными волосами и нездоровым цветом лица. Приблизившись к ней, Громов осведомился:

– Могу я увидеть Светлицкую?

– На самом деле Рая на больничном, – откликнулась из-за стойки брюнетка. Ее глаза за стеклами очков походили на совиные.

– Ай-яй-яй, какое несчастье! – воскликнул Громов.

– Ничего страшного. – Очки сочувственно сверкнули. – Самый обыкновенный грипп.

– Да я не о болезни... Мне срочно нужны копии всех платежей за октябрь. Бухгалтер в отпуске, а тут бац! – Громов пристукнул ладонью по пластиковой стойке. – Внеплановая проверка, будь она неладна.

– Налоговики? – спросила девица со все возрастающим участием.

– Они, родимые. Налетели и роют, роют... Выручайте, милая.

Всякий раз, когда Громову приходилось выдавать себя за кого-нибудь другого, он перевоплощался в знакомых ему людей, так получалось достовернее. Очутившись в банке, он копировал своего соседа, дельца среднего пошиба, кото-

рый заставил все окрестные дворы своими фурами, груженными мелкой, рябой картошкой сомнительного происхождения. Поскольку Громову сделалось тошно, едва он представил себя в шкуре коммерсанта, отчаявшегося сбыть подгнивший товар, страдальческие интонации давались ему без особого труда.

– Выручайте, а? – просительно повторил он.

– Вообще-то я временно подменяю Раю, – неохотно призналась брюнетка. – Но на самом деле у меня полным-полно своих собственных клиентов, так что вам, извините, придется подождать... – Увидев сотню, плавно спланировавшую на ее стол, она закончила фразу с неожиданным подъемом: — ...буквально пару минут.

Брюнетка уже перепорхнула за соседний компьютер и возпросительно глядела оттуда на Громова. Жест, которым она поправила очки, был полон решимости.

– Как называется ваша фирма? – спросила она.

– «Эверест», – ответил Громов.

– Кто учредитель?

– Громова... Тьфу ты, Лепетуха Елена Олеговна.

– Я распечатаю вам выписки за последние две недели, – пропела девица, проворно бегая пальчиками по клавиатуре. Ее поиски завершились изумленным восклицанием: – Упс!

– В чем дело? – насторожился Громов.

– Да тут как бы не значится такая фирма.

– Как бы? – Громова раздражало это присловье, которое

он слышал на каждом шагу, пока работал в Москве. Сплошные «как бы» и «на самом деле». Он не ожидал, что модные веяния так быстро достигнут провинции.

Брюнетка опять пощелкала клавишами, уткнувшись носом в экран монитора.

– «Эверест» в Раиной базе данных отсутствует, – твердо заявила она. – Вы ничего не напутали?

– Нет. – Взгляд Громова застыл. Новость подтверждала, что он находится на верном пути. Но, как правило, за первыми маленькими успехами следуют самые неожиданные препятствия. Это как ловить за хвост мышь, успевшую юркнуть в норку. Многое зависит не столько от расторопности, сколько от везения.

– Извините. – Брюнетка развела руками. – Ничем не могу помочь. На самом деле вам следует обратиться к начальнику операционного отдела. Возможно, произошел какой-то сбой в программе. Я как бы за это не отвечаю.

– На самом деле это «как бы» не так уж важно, – машинально пробормотал Громов.

– Что вы сказали?

– Говорю, мне нужно срочно связаться с вашей Раей. Как мне ее найти?

– Подобных сведений мы не выдаем. – Лицо у девицы окаменело, словно она приготовилась сниматься на паспорт. В следующее мгновение ее очки опасно накренились, отслеживая порхание уже пятисотрублевой купюры.

– Это вопрос жизни и смерти, – проникновенно произнес Громов. Он нисколько не кривил душой, и это сработало. Собеседница заколебалась. Оставалось лишь аккуратно подталкивать ее в нужном направлении.

– Вы просто обязаны мне помочь, – усилил натиск Громов.

– Но вы понимаете, что, нарушая инструкцию, я рискую потерять место...

– Вы ничем не рискуете, уверяю вас.

Брюнетка поерзала, оправляя пиджачок тесноватого делового покроя, и нерешительно сказала:

– Если бы у Раи был домашний телефон или хотя бы пейджер...

– Мне нужен адрес и ничего, кроме адреса. – Громов сунул руку в тот самый карман, откуда с видом фокусника извлекал все новые денежные призы. Его жест не остался незамеченным.

– Улица Терешковой, 97, – негромко произнесла собеседница, совершенно не двигая губами. – Квартира 43.

– Огромное спасибо. – Громов достал из кармана пачку сигарет и, повертев ее в пальцах, сунул обратно. Отметив, что на лице брюнетки появилось кислое выражение, он перегнулся через стойку и шепнул: – Обещаю, что ваш начальник службы безопасности ничего не узнает о нашем разговоре. Главное, чтобы вы сами случайно не проболтались про свое должностное преступление. Я имею в виду получение

взятки. — Он красноречиво потер палец о палец.

Девушка вздрогнула и начала бледнеть, отчего цвет ее лица испортился окончательно. Очевидно, не получив очередной подачки, она посчитала себя обманутой и действительно замыслила пожаловаться на странного клиента, представляющего несуществующую фирму.

Громов просто предостерег ее от неверного шага, но вместо благодарности заслужил полный ненависти взгляд. Обычное дело. Когда людям чего-нибудь не додаешь, они ведут себя так, будто их обобрали.

Улица Терешковой представляла собой хаотичное нагромождение девятиэтажных коробок, развернутых друг к другу под самыми неожиданными углами. Маленький ребенок, играющий в кубики, и тот не допустил бы такого вопиющего беспорядка. Заплутать здесь было так же легко, как вляпаться в грязь, а грязи хватало с избытком. Казалось, этому бурому месиву не будет ни края, ни конца. Его чавканье звучало омерзительно.

Дом № 97 походил на фрагмент Великой китайской стены, облицованной рыжим кафелем. Архитектору не хватило фантазии снабдить свое детище проходными арками, поэтому Громову, опрометчиво выбравшемуся из машины, пришлось огибать здание пешком. Бросив взгляд на часы, он отметил, что до телефонных переговоров с похитителями осталось около двенадцати часов, и ускорил шаг.

В подъезде воняло то ли прокисшим борщом, то ли свежей помойкой. Взбежав на второй этаж, Громов подошел к двери сорок третьей квартиры и тронул кнопку звонка. Никакой реакции, хотя грохочущая за дверью музыка свидетельствовала о том, что дома кто-то есть и этот кто-то предпочитает всем видам искусства рэп.

«Нам мешают жить, нам мешают спать, нам ломают кайф, только нам насрать...»

Этот словесный понос мог продолжаться до бесконечности, если вовремя не остановить рэперскую шарманку. Громов отступил назад и обернулся.

Электросчетчики всех четырех квартир, выходящих на лестничную площадку, скрывались в нише за металлической дверцей, оснащенной навесным замком. Вооружившись перочинным ножом, Громов вытащил подходящее лезвие, похожее на расплющенный тигровый коготь. В умелых руках оно запросто заменяло ключ.

«Нас калечат и лечат, – горланили за дверью, – нас учат умирать, но мы здесь, мы есть, и...»

«И вам опять насрать?» – мысленно предположил Громов, размыкая поддавшуюся дужку.

«...мы умеем мечтать», – возразили звезды хорового рецитатива.

«Вот это похвально. Да только мечтаете вы, ребятишки, как минимум о продвинутом пиве «Клинское», а по большому счету о том, чтобы наркота в карманах никогда не перемещалась».

Сделав такой вывод, Громов определил местонахождение нужного счетчика и вывинтил фарфоровую пробку. Музыка в сорок третьей квартире захлебнулась. Когда дверь открылась, осталось лишь придержать ее за ручку со своей стороны и шагнуть навстречу почитателю рэпа, встревоженному отключением электричества.

– Добрый день, – поздоровался Громов, тесня в прихожую

молодого человека с отбеленными волосами и серьгой в ухе. Густая поросль на его щуплом тинейджерском торсе казалась декоративной.

– Вали отсюда, урод! – агрессивно прошипел ненатуральный блондин, отступая тем не менее с завидным проворством.

Его пришлось перехватить за предплечье, чтобы он не улепетнул в глубь квартиры и не забаррикадировался в каком-нибудь чулане. Притянув к себе парня, Громов обнаружил, что на левой ноздре у того не созревший прыщ и не бородавка, а что-то вроде металлической заклепки. Так называемый пирсинг. Утыкиваешь кожу всякими финтифлюшками и притворяешься, что испытываешь от этого невыразимый кайф. Дешево и сердито.

– Уродом сделаешься ты, если будешь хамить, – заметил Громов мимоходом. – Полным.

– Ты кто такой? – ошеломленный таким напором парень несколько сбавил обороты, но хвататься за предметы обстановки не перестал.

– Я знакомый Раи, – туманно представился Громов. – А вот ты что за птица?

– Я ее брат, – признался блондин, вцепившись мертвой хваткой в боковину стенного шкафа.

Его предплечье умещалось в громовском кулаке почти целиком – много ли навоюешь с такими бицепсами? Стоило чуть поднажать, и он вновь пошел на попятный, волоча за

собой оторванную рейку. Наступив на нее, Громов осведомился:

– Имя у тебя есть?

– Допустим, – проскулил парень. – Сэм.

– Семен? – предположил Громов, стискивая пальцы сильнее.

– Ну, Семен. И что из того?

– Кто еще находится дома, Семен?

– Пока никого.

– Тогда садись, у нас с тобой будет серьезный разговор. С глазу на глаз.

Они прошли в захлавленную комнату, выглядевшую именно так, как должно выглядеть жилище двадцатипятилетнего парня, решившего навсегда остаться подростком, вечно молодым, вечно пьяным. Какие-то пестрые плакаты на стенах, грязные носки и кроссовки на полу, повсюду крошки от чипсов или орешков. Жить в таком кавардаке не слишком уютно, «но нам насрать». Из песни, как говорится, слов не выбросишь.

Не слишком деликатничая, Громов подтолкнул Семена к дивану, вынуждая его сесть, и поинтересовался:

– Давно сестра болеет?

– Чем болеет? – спросил, в свою очередь, Раисин брат.

Он выставил перед собой музыкальный журнал, словно тот мог послужить ему щитом. С обложки на Громова уставился обморочного вида юнец, обвешанный неопрятными

косицами. Набранная желтым надпись гласила: «ПРИ ВИДЕ БУМЦАЛА ФАНАТКИ ПИСАЮТ КИПЯТКОМ!» Как будто послание на стене общественного туалета читаешь. Пришлось отобрать у Семена журнал и зашвырнуть его подальше.

– В банке сказали, что Рая слегла с гриппом, – пояснил Громов, прохаживаясь перед диваном. – Вот я и решил ее проведать. Надеюсь, ты не в обиде на меня?

– Вламываются тут всякие кретины, – пробурчал Семен. Убедившись, что перед ним не грабитель и не рэкетиер, он приободрился настолько, что забросил ногу за ногу.

– Где твоя сестра? Она мне срочно нужна.

– Да пошел ты!..

Громов покачал головой. В принципе он ничего не имел против современной молодежи, особенно когда она не мозолила ему глаза. Но сейчас было некогда искать ключик к душе этого шалопая. Анечка находилась в руках похитителей, и каждая минута была дорога.

– Повторить вопрос? – Громов приподнял бровь.

– Заведи себе попугая типа какаду и задавай ему свои вопросы, – высокомерно бросил Семен.

– Значит, доверительная беседа не состоится?

– Фак ю! – В воздух были выброшены сразу два оттопыренных средних пальца.

Один из них Громов тотчас перехватил и рванул на себя, вынуждая собеседника подняться на ноги, а в следующее

мгновение аккуратно съездил локтем по выпяченному подбородку. Удар был нанесен вполсилы, но теперь строптивому молодому человеку предстояло позабыть о чипсах и жевательной резинке как минимум на неделю.

С глазами, полными слез и укора, Семен рухнул на диван, а Громов, прихватив с тумбы моток скотча, пристроился рядом.

– Если я наклею пару полос этой липучки на твою волосатую грудь, а потом одновременно оторву их, тебе придется очень и очень худо. Ты можешь даже потерять сознание. Болевой шок. Приходилось тебе когда-нибудь его испытывать?

Семен помотал головой, жалобно мыча. Выбитая из суставов нижняя челюсть придавала ему некоторое сходство со смышленным шимпанзе, силящимся произнести нечто членораздельное. Вдохнув, Громов извлек из кармана ручку, блокнот и протянул их парню со словами:

– Думаю, тебе будет удобнее писать свои ответы, чем произносить их вслух. Грамотой владеешь?

– Угу.

– Отрадно. В таком случае открой последнюю страничку и напиши, где находится твоя сестра и когда она должна вернуться. Коротко и ясно.

Через минуту перед его взором возникли две корявые строчки:

РАЯ ПО-ЗАВЧЕРА ПОЗВОНИЛА С СОЧИ. СКАЗАЛА, ЧТО БУДЕТ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ.

– С кем она отправилась на курорт? – спросил Громов, заподозрив неладное.

Телефонный звонок мог быть сделан откуда угодно. А внезапное исчезновение Светлицкой работало на его версию. Девушка из банка проболталась кому-то о внушительной сумме, поступившей на счет Ленкиной фирмы. Судя по тому, что после этого Рая уничтожила данные по «Эвересту» и больше не появилась на рабочем месте, она действовала по наущению похитителей. В качестве сообщницы или жертвы? В данный момент это волновало Громова не так сильно, как судьба Анечки.

Пока он бегло складывал факты воедино, Семен успел нацарапать новое послание, такое же малограмотное, как и первое:

НЕЗНАЮ. НА ВЕРНОЕ С ДЭНОМ.

– Денис? – уточнил Громов. – Даниил?

ДЭН ОН И ЕСТЬ ДЭН. НЕГАТИВ.

– У меня нет настроения разгадывать твои загадки, па-рень!

Примерившись, Громов двинул открытой ладонью по обращенной к нему челюсти, вставляя ее на место. Семен охнул и сделал несколько пробных жевательных движений, но на «спасибо» не расщедрился. Вот и рассчитывай после этого на людскую благодарность.

– Уточни, – потребовал Громов. – Что еще за негатив?

– Дэн – черномазый, – пояснил Семен, болезненно мор-

щадь. – Из Нигерии, что ли.

– Студент?

– Ну да, в нашем универе учится. Райка только с ним в последнее время тусовалась. Они вроде как окольцеваться решили.

– Где обитает этот Дэн?

– В четвертой общежитии, где же еще! Там все иностранцы живут.

– В лицо его знаешь? – спросил Громов.

– Знаю, – неохотно подтвердил Семен.

– Поехали, покажешь.

– Говорю же, Дэн и Райка в Сочи! Она не могла умотать туда одна. Любовь у них. Парная гребля с утра до ночи.

– Вот и проверим, – сказал Громов. – Одевайся.

– Никуда я не поеду! – заверещал Семен, предусмотрительно прикрывая лицо обеими руками. – Вон на столе фотография. Любуйтесь на здоровье своим негритосом.

Громов взял в руки цветной снимок, обрамленный золотистой рамочкой, и поднес его к глазам. Рая выглядела в объятиях своего черного друга такой счастливой, словно он только что сообщил ей, что в Нигерии у него имеется персональный гарем, в котором новой подружке будет отведено место любимой жены. Сам Дэн походил сложением на боксера, хотя, судя по фотографии, ростом вышел не очень. Серо-коричневый, как застоявшийся кофейный напиток, обритый наголо, зато с бородкой, подчеркивающей квадратные

очертания лица. Колоритный тип, запоминающийся. Такого не спутаешь ни с кем другим даже в толпе его чернокожих собратьев.

– Сейчас ты расскажешь мне все, что знаешь о Раином женихе, – строго сказал Громов. – Если информация покажется мне скудной, мы вновь займемся твоей челюстью. Ну как? Тебе есть чем со мной поделиться?

– Да, – поспешно кивнул Семен. – Я знаю этого ниггера как облупленного.

– Излагай. – Громов закурил сам и угостил сигаретой собеседника.

Выражение его лица сделалось заведомо пасмурным, словно он не надеялся узнать ничего хорошего об иностранном студенте из далекой Нигерии, который решил обзавестись в России не только высшим образованием, но и белокожей женой.

Глава 2

Черное и белое

1

Дэниэл Джошуа Майдугури полагал, что за три года, проведенные в Курганске, он узнал о России все или почти все. Русские ленивы, тупы и необязательны. Мужчины редко меняют носки и склонны к беспробудному пьянству. Женщины любопытны, глупы и доверчивы, как зеленые мартышки с берегов реки Нгуру, хотя внешне, конечно, куда более привлекательны. Великий русский поэт Пушкин был на самом деле «африканос» и употреблял матерные слова. Не менее великий писатель Достоевский зарубил топором собственную бабушку, после чего проиграл ее состояние в русскую рулетку... Не спешите пересекать проезжую часть на зеленый свет – собыют... Не одалживай никому денег – скорее удавятся, чем вернут... *К съожаленью дьень рьожденья тьолько рьаз вь гьоду... Вьодки ньикогда нье бьывает мьало...*

Когда знаешь это и многое другое, то о какой загадочной русской душе может идти речь, скажите на милость? Нет никакой загадки. Да и сама русская душа, она – тьфу, пустой звук.

Выходец из отдаленной нигерийской провинции Нгуру, где его предки веками занимались разведением коз и выращиванием маниоки, Дэниэл по непонятной причине чувствовал себя в России кем-то вроде истинного джентльмена, волею судьбы очутившегося среди дикарей. Скорее всего, причиной тому была генетическая память о временах британского владычества, когда славный род Майдугури мог беспрепятственно изучать и перенимать напыщенные манеры своих господ.

Может быть, Дэниэлу слегка не хватало настоящего лоска, зато его английский был для России безупречен. Местный язык он тоже знал неплохо. Вполне достаточно, чтобы договариваться с преподавателями о зачетах и заниматься бизнесом. Последнее увлекало его гораздо сильнее всех университетских дисциплин, вместе взятых.

Знающие люди говорили, что раньше у иностранных студентов имелось два основных вида доходов: заграничные шмотки и валюта. Теперь тряпок хватало и без контрабанды, а обменники торчали почти на каждом углу. В связи с этим приоритетные направления негритянского бизнеса изменились. Валютой у входа в общежитие приторговывали лишь ранним утром да поздним вечером, когда близлежащие обменные пункты были закрыты. А основной доход приносили героин, морфий и марихуана. Дэн знал это наверняка, поскольку лично приобщал русских дикарей к западной цивилизации.

Он входил в состав тройки, территория которой размещалась в чухлом скверике перед общежитием. Конголезец Леон прохаживался у входа, отлавливая потенциальных клиентов, и препровождал их к гражданину Эфиопии Канатэ. Здесь принимались конкретные заказы и деньги. Задача Дэна состояла в том, чтобы, получив условный знак от напарника, достать из тайника требуемый товар, незаметно передать его по назначению и вернуться на свой пост.

Наркотики хранились под бордюром – несмотря на покровительство местной милиции, держать их при себе было небезопасно. Курсируя между тайником и заказчиками, Дэн старался перемещаться спортивным шагом, что в какой-то мере заменяло ему зарядку. Вдобавок он зимой и летом дышал свежим воздухом, что тоже шло на пользу здоровью. А наркотиков Дэн никогда не употреблял, даже безобидный «кэннэбис». Это был лишний повод смотреть на русских свысока. Наркоманов среди них становилось с каждым днем все больше. Невоздержанный, слабовольный народ. Половина молодежи была обречена на вымирание от водки, героина и СПИДа – так полагали в общине иностранных студентов. И Дэн, через коричневые руки которого проходили все увеличивающиеся партии наркотиков, разделял это мнение целиком и полностью.

Главная проблема русских мужчин, по его мнению, состояла в отсутствии у них чувства меры. «Без тормозов» – так называли они свое бесшабашное поведение, даже вроде бы

гордясь этим. А еще русские не умели обращаться со своими женщинами. Дэн, сменивший за годы учебы не один десяток белых подруг, слышал от всех них всегда одну и ту же историю, рассказанную разными словами.

Она ему поверила и дала. Опять поверила, сделала аборт. Поверила в последний раз, подцепила дурную болезнь, вылечилась и захотела замуж.

Очередная герлфренд Дэна не являлась исключением, поэтому он не слишком вникал в ее рассказы о разбитых мечтах. Гораздо больше ему нравилось слушать ее бурные стелания в постели. А когда Рая, отдышавшись, принималась разглагольствовать про их будущую совместную жизнь, Дэн попросту дремал, набираясь сил перед очередным заходом, которых делалось не менее трех за свидание. Он не хотел упускать своего. Учеба в России подходила к концу, а где еще поимеешь белых девушек в таких количествах и совершенно бесплатно?

Предвкушая вечерние забавы, Дэн даже немного согрелся под морозящим дождем. На днях Рая сняла квартиру, где заниматься сексом стало значительно гигиеничнее и удобнее, чем в общаговской конуре, разделенной портьерой на две равные половины. Теперь Рае можно было не закрывать рот во время ее частых оргазмов и принимать душ, когда заблагорассудится, не отходя от кассы, как говорят русские. Дэн и не отходил. Вчера он поимел Раю прямо на кухне, жуя между делом приготовленные ею домашние пирожки с ка-

пустой. Вот что такое настоящая экзотика! Ради таких моментов стоило терпеть лишения, выпавшие на долю Дэна в этой варварской стране.

Увлеченный своими мыслями, он не сразу обратил внимание на мужчину, появившегося в сквере. Пока тот стоял спиной, его можно было принять за молодого парня, одетого в стандартную кожанку и джинсы. Но когда мужчина повернулся и неспешно зашагал Дэну навстречу, стали очевидными две вещи. Первое: этому белому с юношеской фигурой было как минимум лет сорок. Второе: он явился сюда не за дозой, а по душу Дэниэла Джошуа Майдугури, и потому не сводил с него своих стальных глаз.

Милицейская облава? Бандитский наезд? Больше Дэну не успело прийти в голову ничего путного, поскольку в следующую секунду ему стало не до отвлеченных размышлений. Заговорщицки подмигнув ему, мужчина наклонился и без видимых усилий приподнял тот самый блок бордюра, под которым хранились запасы наркотиков. Камень специально высвободили из асфальта, чтобы выкопать под ним небольшое углубление. Правда, обычно было достаточно запустить в щель руку, чтобы дотянуться до нужного пакетика. Но сегодня ситуация складывалась явно нестандартная. Экстремальная, как догадался Дэн, бросаясь к мужчине.

– Твое богатство? – спросил незнакомец, кивнув на открывшуюся яму, напичканную расфасованными порциями порошка и травы.

– Не твоё дело! – прошипел Дэн, стремительно протянув руку к потайной нише.

Это был импульсивный, но, как тотчас выяснилось, ошибочный жест. Потому что мужчина внезапно уронил приподнятый блок, весивший никак не меньше шестидесяти фунтов. Сколько это будет в килограммах, Дэн, естественно, вычислять не стал. Он просто упал на колени и взвизгнул, как бабуин, угодивший лапой в капкан. Строго говоря, это произошло даже дважды, потому что мужчина повторил операцию ещё раз. После чего развернулся к набегавшему на него Канатэ.

Эфиоп, торчавший по обыкновению на углу здания общежития, оказался единственным собратом Дэна, который заметил неладное и поспешил ему на подмогу. Он мчался на мужчину размашистыми скачками, слегка забирая в сторону, чтобы подготовиться к мощному хуку справа. Застывший на карачках Дэн зачарованно смотрел, как замирают редкие прохожие на тротуарах, как взмывают с мокрого асфальта испуганные воробьи, как дробятся отражения в лужах, по которым ступают приближающиеся кроссовки Канатэ.

Чвак-чвак-чвак! Потом звуки шагов резко оборвались, потому что эфиоп, сделав очередной прыжок, не приземлился, а полетел дальше, перебирая ногами в воздухе.

Виной тому был мужчина, перехвативший его выброшенный вперед кулак. Рванув нападающего на себя, он ловко

поддел его плечом, развернув почти параллельно асфальту. Протестующе крича что-то на своем наречии, Канатэ перемахнул через спинку влажной скамьи и врезался в самую гущу декоративных голубых елочек. Мужчина, недолго думая, последовал за ним.

Возня среди шуршащих еловых лап прекратилась после второго по счету звука удара, донесшегося до ушей Дэна. Он только-только высвободил из ловушки свою руку с посиневшими ногтями, когда белый человек вернулся, чтобы взяться за него.

Дэн смутно помнил, что в тот момент, когда ему в лицо понеслась рифленая подошва с налипшим кленовым листом, он стоял на коленях. И по прошествии неопределенного времени никак не мог взять в толк: почему бредет куда-то на заплетающихся ногах, придерживаемый незнакомцем за запястье поврежденной руки?

– Отпусти! – потребовал Дэн, с ненавистью косясь на зевак, выстроившихся вдоль сквера.

Мужчина ничего на это не ответил, лишь слегка вывернул ему руку под неудобным углом. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы Дэн не только прекратил сопротивление, но даже ускорил шаги. Оглянувшись через плечо, он увидел небольшую группку своих растерянных товарищей, сгрудившихся возле входа в общежитие. Это напоминало финальную сцену из какого-то грустного фильма, главному герою которого было не суждено вернуться назад. Обречен-

ным персонажем являлся, конечно же, Дэн. Осознав это, он сделал еще одну слабую попытку освободиться.

– Не дергайся, – посоветовал мужчина, продолжая увлекать негра за собой. – Если тебе не жалко собственной руки, то подумай хотя бы о товаре. Он ведь немалых денег стоит, а?

– Товар? – Лишь теперь Дэн заметил, что его спутник несет в свободной руке пакет с конфискованными наркотиками. Их было там на сумму около пяти тысяч долларов.

– Не знаю никакого товара, – злобно прохрипел Дэн. – Это не мое! Произвол! Я буду жаловаться!

– Ты отлично говоришь по-русски, молодец. Но я не из милиции, а ты не апостол Петр, так что не торопись отрекаться.

– Что тебе от меня нужно, мэн?

– Сейчас ты сядешь в машину, и мы с тобой побеседуем на эту тему, – пообещал мужчина, подталкивая Дэна к дверце светлых «Жигулей». – После этого получишь пакет обратно и отправишься восвояси. Устраивает тебя такой расклад?

– Нет, не устраивает!

– Неважно. Назвался груздем, полезай в кузов!

– Gruzdiem?

Озадаченный Дэн застыл перед распахнутой дверцей, прикидывая, стоит ли ему забираться внутрь. Мужчина решил эти сомнения просто: схватил его за серьгу, продетую в ухо, заставил пригнуться и буквально затолкнул в автомобильный салон.

Обойдя вокруг машины, он устроился на водительском сиденье. Дэн разглядывал свои пальцы, которые после прикосновения к уху сделались липкими и красными. С одной стороны, его подмывало выскочить из «Жигулей» и броситься наутек, пока к полученным травмам не добавились новые. С другой стороны, Дэну вовсе не хотелось расплачиваться за утеранный товар из собственного кармана. Рачительность одержала верх. Уставившись исподлобья на незнакомца, вырывающего на проезжую часть, он угрюмо поинтересовался:

– Ты кто? Бандит?

– Не бандит, не сотрудник правоохранительных органов и даже не расист, – успокоил его мужчина. – Можешь называть меня Громовым, парень. Но после нашей беседы ты забудешь и мою фамилию, и номер моей машины. Договорились?

– Ха! – воскликнул Дэн.

– Тебе был задан вопрос. – Громов смотрел прямо перед собой, на дорогу, но его глаза нехорошо сверкнули.

– О'кей, договорились, – буркнул Дэн. – Куда мы едем?

– Уже приехали.

«Жигули» свернули в маленький дворик и остановились на залитом грязной водой пяточке. Раскисшие листья в лужах, деревца, похожие на поставленные стоймя метлы. Вокруг только поржавевшие гаражи да полуразрушенная трансформаторная будка с изображением черепа на двери.

Дэн прикинул: скоро ли подоспеет помощь, вздумай он кричать в этом пустынном уголке? Вывод получился настолько безрадостным, что он поежился, словно находился не в машине, а под морозящим снаружи дождем. Бр-р!

– Ты знаком с Раей Светлицкой, верно? – спросил Громов. Интонация его голоса была скорее утвердительной.

– Допустим, – откликнулся Дэн, разглядывая свою покалеченную руку. Два пальца на ней разбухли до толщины темно-коричневых кубинских сигар и были такими же несгибающимися.

– Вы с ней собирались в Сочи?

– Sochi? Где это?

– Неважно, – ответил Громов, окинув соседа внимательным взглядом. – Если ты не знаешь, где находится город Сочи, то, может быть, тебе известно местонахождение Раи?

– А что? – недружелюбно осведомился Дэн. За годы, проведенные в Курганске, он овладел не только русским языком, но и здешней манерой отвечать вопросом на вопрос.

– Пакет, – напомнил Громов, пошуршав полиэтиленом. – Желаешь заполучить его обратно?

Дэн представил себе Раю, хлопчущую в маленькой кухоньке. Руки перепачканы мукой, под халатиком ничего, тело так и пышет жаром, как включенная духовка. Очень возбуждающая картинка. Однако если вообразить на месте Раи новую подружку, например рыженькую, то получается даже соблазнительнее. Русских девушек вокруг навалом, а пирож-

ки с капустой – не единственное блюдо, которое хочется попробовать в молодости.

Правда, Рая просила никому не говорить, что она сменила место жительства, и Дэн дал слово. Но, с другой стороны, если выполнять все обещания, данные курганским подружкам, то придется завести себе дома целый гарем, а он ведь не какой-то безбожный мусульманин. И пальцев на обеих руках у Дэна только десять, причем два из них уже сломаны. Такая вот арифметика безрадостная.

– Улица Терешковой, 97, – проворчал он, пытаясь оттянуть момент предательства. – Сорок третья квартира. Телефон...

– Только не надо заливать мне про улицу «Тьерьешковой», – нахмурился Громов. – Мне нужна Рая, а не адрес, по которому она прописана.

– Ну, она на днях сняла себе другую квартиру, по проспекту этого... – Дэн наморщил лоб. – Ваш знаменитый писатель. Лео... Лев...

– Можешь не утруждать себя, я понял, о ком идет речь. Дом? Квартира?

– Номер дома не знаю, но он там самый высокий, а на первом этаже мебельный салон.

– Так, понял. Дальше.

– Третий подъезд, четвертый этаж, сто первая квартира.

Громов прищурился:

– И чем занимается Рая в «стьо пьервой квартирье»? Кто

скрашивает там ее одиночество?

– Я, – скромно признался Дэн.

– Любишь белых девушек?

– Люблю. Разве это запрещено?

– Нет. *Но с какой стати ты интересуешься чужими банковскими переводами?*

Рука Громова внезапно вцепилась в левую ключицу Дэна, и крепкий, атлетически сложенный парень почувствовал себя цыпленком, угодившим в когти ястреба. А еще ему вспомнилось, как легко ломаются суставы хорошо прожаренных окорочков.

– Отпусти! – взмолился он. – Я не понимаю, о чем ты говоришь, мэн! Какие банковские переводы?

Притянув к себе Дэна, Громов заглянул в его выпученные до размера перепелиных яиц глаза и оттолкнул обратно.

– Предположим, я тебе поверил, – сказал он. – Тогда с кем еще якшалась Рая в последнее время?

– Ни с кем. У меня вообще сложилось такое, э, impression... Ну, впечатление, что она от кого-то скрывается.

– Почему?

Громов опять глядел прямо перед собой, словно его не слишком интересовал ответ. Но Дэн, справедливо рассудивший, что с двумя ключицами человеку живется значительно комфортнее, чем с одной, откликнулся без промедления:

– Она никуда не звонит, не выходит из квартиры. И все время чего-то ждет, так мне кажется.

– Ключи.

В поле зрения Дэна появилась требовательно раскрытая ладонь.

– Какие ключи? – фальшиво удивился он.

– От Раиной квартиры, которыми она тебя должна была снабдить, чтобы не отзывать на звонки в дверь.

Рука Громова маячила так близко от носа Дэна, что ее изображение двоилось в его глазах. В таких ситуациях не до щепетильности. Порывшись в карманах, Дэн сунул белому связку ключей и незаметно перевел дух, когда пальцы, готовые сомкнуться на его физиономии, исчезли из виду.

– Молодец, ты хороший парень, – сказал Громов. – Расторопный и сообразительный. Спасибо. – Его улыбка была неожиданной и короткой, как фотовспышка.

– Пожалуйста, – проворчал Дэн, осторожно ощупывая порванную мочку уха. – Только зачем было руки распускать? Разве нельзя было договориться по-хорошему?

– Нет. Ты ведь не пряниками в сквере торговал, верно? Стал бы ты со мной откровенничать в присутствии своих дружков?

Поразмыслив, Дэн решил не кривить душой, а просто напомнил:

– Теперь верни то, что взял, о'кей?

– А! – Громов закивал. – Конечно. Только давай выйдем из машины.

– Зачем?

– Послушай, парень, ты задаешь мне вопросов больше, чем я тебе. Постыдился бы.

Возмущенно хрюкнув, Дэн вылез из «Жигулей» и, прыгая с кочки на кочку, выбрался из лужи, разлившейся по площадке. Она была пепельно-бурой, как его поврежденная рука, которую приходилось придерживать на весу, оберегая от сотрясений.

Последовавший за ним Громов так и остался стоять по щиколотки в воде, задумчиво вертя перед собой пакет с наркотиками.

– Насколько мне известно, – произнес он, – у тебя на родине говорят по-английски. Как будет по-вашему «что упало, то пропало»?

– ?

– Ну, тогда «что было, то сплыло»...

Дэн еще не понимал, к чему клонит Громов, но такое отступление от темы ему не понравилось.

– Верни пакет, – потребовал он.

– Пожалуйста.

Пожав плечами, Громов высыпал содержимое пакета прямо в лужу, после чего протянул его, совершенно пустой, оторопевшему Дэну.

– Ты крэйзи! – взвыл нигериец, бросаясь спасать намокающий товар.

Присев на корточки, он успел выудить из грязной воды пару упаковок белого порошка, когда бампер «Жигулей»

несильно боднул его в бедро и опрокинул в лужу.

– С дороги! – посоветовал Громов, махнув рукой из окна машины.

– Ты обещал! – заорал промокший Дэн, чувствуя себя последним идиотом.

– Я обещал вернуть пакет и сдержал слово. Теперь уноси ноги!

Взревел двигатель, «Жигули» ринулись вперед. Облитый с ног до головы потоками воды, взметнувшимися из-под колес, Дэн едва успел отпрянуть в сторону.

Вытирая рукавом забрызганные щеки и лоб, он стоял и тупо смотрел, как автомобиль, давая то передний, то задний ход, снова и снова утюжит упаковки с наркотиками. На его глазах товар на сумму пять тысяч долларов превращался в грязь, а он не мог даже сжать правую руку в кулак, чтобы погрозить им белому безумцу. И мокрое лицо Дэниэла Джошуа Майдугури казалось заплаканным.

Пискнув по-птичьи, пейджер высветил на экране послание, которого все эти дни с нетерпением ожидала Рая Светлицкая.

«МОЖЕШЬ ПРИХОДИТЬ».

– Йес! – Она чуть не выпрыгнула из трусиков, не в силах сдержать охватившее ее возбуждение.

Дело сделано. Сто пятьдесят тысяч баксов почти у нее в кармане. Хотя, конечно, такую кучу денег вряд ли унесешь без сумочки.

Хотелось петь, кричать, кататься по полу. Сорвать с себя ночную рубашку и исполнить какой-нибудь дикий танец, врубив музыку на всю катушку. Но Рая сумела взять себя в руки. Вместо того чтобы скакать козой по комнате, нужно было успокоиться и еще раз продумать свои дальнейшие действия. Малейший промах грозил крупными неприятностями. Человек, с которыми связалась Рая, был не лыком шит, но вполне могло случиться так, что его сцапала милиция, и тогда приглашение явиться за своей долей означало примитивную западню.

Одеваясь, Рая сосредоточенно морщила лоб, но не нашла в своем плане ни одного изъяна. Не зря она так долго ломала голову, прежде чем назвать способ передачи ей денег. Готовясь к этому ответственному моменту, Рая действовала с

поистине крысиной осторожностью, хотя ей вряд ли понравилось бы это сравнение.

Решение сорвать свой куш пришло к ней внезапно, ненастным осенним днем, когда впридачу к дождю за окнами протекала помаленьку и сама Рая. Кап-кап-кап. Раздраженная, ненавидящая весь белый свет, она привычно заполняла платежные поручения, и внезапно ее взгляд привлекла ошеломляющая цифра – что-то около 450 миллионов рублей. Ух ты!

Сумму следовало зачислить на счет некой фирмы «Эверест», баланс которой обычно выглядел как пародия на финансовую деятельность: пару тысконок туда, пяток тысконок оттуда – вот и все денежные потоки. Девятизначное число, возникшее перед Раиными глазами, означало, что опять кто-то поймал свою удачу за хвост, в то время как она горбится за компьютером, пересчитывая чужие денежки.

Борьба в Раиной душе продолжалась до вечера. Придя из банка домой, она не сразу бросилась звонить по телефону своему бывшему однокласснику, а еще некоторое время пыталась одержать нравственную победу над собой. Пожалуй, она сумела бы перебороть этот приступ алчности. Если бы братец хоть на часок выключил свой музыкальный центр, который – бум-бум-бум – не позволял Рае расслышать голос совести. Если бы не вялая родительская перебранка, такая же нудная, как диалоги из их любимого сериала. Не дыра в последних новых колготках. Наконец, если бы не месячные.

Тысяча и одно «если бы», которое определяет человеческую судьбу. Сегодня ты мог бы остановиться или повернуть направо или налево. А ты двинулся прямо, и с этого момента твоя жизнь вошла в совершенно новое русло. Когда древние говорили о том, что в реку нельзя войти дважды, они имели в виду именно это необратимое течение событий.

Одним словом, уединившись ночью в кухне, Рая все-таки набрала номер Лехи Бреславцева. После окончания десятиго класса он пошел в бандиты, что не являлось секретом для окружающих. Во время последней встречи Раи с Лехой друг детства уже разъезжал на собственной «Вольво», смотрел на мир, как на принадлежащую ему собственность, и вел разговоры, почти не размыкая пренебрежительно выпяченных губ. Впрочем, узнав, что Рая трудится в «Интервест-банке», Леха потеплел, приобнял бывшую соученицу за плечи и предложил ей сообщать ему информацию о крупных суммах, перечисляемых на счета обслуживаемых ею клиентов.

Тут главное – оперативность, пояснял он, дыша на Раю прохладой ментоловой жвачки. Башли долго на одном месте не залеживаются, переваливаются туда-сюда. Но если, скажем, вовремя отследить богатенького Буратино, то можно запросто сорвать с него столько капусты, что на всю оставшуюся жизнь хватит. Переместив ладонь с плеч Раи на ее сжавшиеся ягодицы, Леха пообещал за наводку десять процентов и побожился, что клиент расстанется с деньгами безболезненно и добровольно.

Той ночью, когда Рая набрала номер Лехиного мобильного, она старалась не думать, насколько правдоподобно его последнее утверждение. Ее мысли были заняты совершенно иными проблемами. Как забрать свою долю, не пересекаясь при этом ни с Лехой, ни с его командой? Где спрятаться, когда бандиты начнут наезжать на фирму «Эверест»? Каким образом замести следы на тот случай, если делом займутся правоохранительные органы и выйдут на операционный отдел банка? Впрочем, если бы Рая не решила в уме все эти и многие другие задачки, она ни за что не стала бы связываться с Лехой. Но она полагала, что придуманная ею схема столь же безупречна, сколь и безопасна.

Испариться из банка и из родного дома, сочинив какое-нибудь правдоподобное объяснение, чтобы ее не хватились раньше времени, – раз. Получить деньги – два. Отсидеться на съемной квартире – три. Наконец, выйти замуж за Дэна и, сменив фамилию, укатить с ним в Нигерию, где можно открыть личный банковский счет и получить иностранное гражданство. Дальше будет видно. Негры – превосходные любовники, но совсем не обязательно связывать с ними всю свою жизнь. Секс сексом, а кекс кексом, как говаривал начальник операционного отдела «Интервест-банка», когда переспавшие с ним сотрудницы заводили разговор о повышении зарплаты.

Когда-то и Рая занималась подобными глупостями и даже случайно сделала минет рядовому сотруднику, который

ну никак не мог повлиять на ее карьеру. Ошибки молодости. Повзрослев, порядочная девушка не станет расстегивать штаны кому попало.

Теперь этот и другие неприятные эпизоды остались позади, в безвозвратном прошлом, как полагала Рая. Ведь она провернула свое первое серьезное дело, и сделала это должным образом, судя по тому, что Леха вознамерился произвести расчет. Надо полагать, он понятия не имел о том, что Рая не собиралась возвращаться в банк, чтобы продолжать там свою опасную игру. Отлично! Именно на этом и строился ее замысел. Однажды рискнуть, а потом отойти в сторонку. Это как в игре с коварными шулерами, которые дают тебе поначалу сорвать банк. Хватай свое и беги без оглядки. Второго раза не будет.

Устроившись с зеркальцем у окна, Рая занялась своим лицом, которое, если бы не скошенный подбородок, можно было даже назвать очень миловидным. Она как раз закончила колдовать над правым глазом, увеличив его в сравнении с левым ровно в полтора раза, когда из прихожей донесся звук открываемой двери.

Сегодня Дэн явился некстати, подумала Рая с раздражением. И потом, что за дурацкая манера трахаться, стоя возле кухонного стола? В такой позе чувствуешь себя не полновластной хозяйкой своей судьбы, а безропотной сотрудницей банка, которую всякий хам волен вызвать в свой кабинет для так называемого собеседования. Нет уж, хватит! Рая была

сыта по горло этими бесконечными беседами.

– Привет! – крикнула она, не оборачиваясь. – Тебе придется поскучать в одиночестве. Я ухожу по делам.

– Не раньше, чем мы кое-что обсудим.

– Ай! – Зеркальце, высветившее отражение незнакомого мужчины, возникшего за Раиной спиной, выпало из ее ослабевших пальцев на пол.

– Не разбилось? – участливо осведомился незнакомец, уверенно войдя в комнату. – Я слышал, это плохая примета.

Рая обернулась к нему так резко, что едва не свалилась со стула. Ее глаза расширились настолько, что разница между накрашенным и ненакрашенным сделалась абсолютно незаметной.

– Кто вы? – спросила она, ужасаясь тому, как хрипло и неприятно звучит ее собственный голос. Настоящее воронье карканье.

– Я сотрудник фирмы «Эверест», – вежливо представился мужчина, приблизившись к ней вплотную.

Его черная кожанка блестела от капель дождя. Левую бровь пересекала упавшая прядь мокрых волос, а правую – едва заметный рубец. Когда он склонился над Раей, ей показалось, что от мужчины веет не просто осенней прохладой, а ледяной стужей.

– Что?.. – Слова с трудом вырывались из ее сузившегося горла. – Что вам нужно?.. Я буду кричать! – Рая пыталась изображать решимость, которую вовсе не испытывала. – Я

вызову милицию!

Мужчина поднял с пола зеркальце, сунул его Рае и предложил:

– Полюбуйся на себя и представь, как ты будешь выглядеть, если действительно решишься на подобную глупость. Дело даже не в том, что я могу не сдержаться и ударить тебя. – Он сделал значительную паузу. – Просто тюрьма не красит человека. Не дай бог тебе узнать, девочка, что такое «кобёл» или «ковырялка» и чем они отличаются друг от друга на практике.

– Какая такая «ковырялка»? – пискнула Рая, отодвигаясь вместе со стулом подальше.

– Это тебе объяснят в женской камере следственного изолятора, если ты все же вздумаешь звать на помощь, – сказал незнакомец.

В его голосе не было никаких чувств, совсем. От этого Рае казалось, что она беседует не с человеком, а с бездушным роботом. Особенно после того, как отважилась заглянуть в глаза незваного гостя. Его зрачки походили на два стальных кружочка, в которых не отражалось ни одной из известных ей эмоций.

– Ну что? – бесстрастно осведомился он. – Будешь кричать или просто поговорим?

– Поговорим. – Раины губы успешно справились с задачей, произнеся это слово. А вот с голосовыми связками дело обстояло значительно хуже – они перестали ей повиноваться.

ся, сводя ее речь к сдавленному сипению.

Если бы добрый волшебник предложил Рае назвать одно-единственное заветное желание, она тотчас перенеслась бы во времени обратно – прямиком в тот самый роковой день, когда был сделан шаг, который ни в коем случае нельзя было делать. Но вместо волшебника рядом с Раей находился незнакомый мужчина, который даже не притворялся, что желает ей добра. Без видимых усилий он поднял ее вместе со стулом, перенес на середину комнаты, а сам уселся в кресло, стоящее напротив. Теперь, когда между ними образовалась полутораметровая дистанция, девушка почувствовала, что ее сердце вышло из ступора и заколотилось так отчаянно, словно намеревалось вырваться из слишком тесной грудной клетки.

– Ты сделала три ошибки, Раиса Светлицкая, – произнес мужчина, закуривая сигарету. – Во-первых, тебе не следовало уничтожать из компьютера файл фирмы «Эверест». Как-то очень по-детски, не находишь?

Рая машинально кивнула. Она действительно ощущала себя нашкодившей девчонкой. Только времена, когда можно было отстояться в углу, давно прошли.

– Второе. – Мужчина выпустил струю дыма, которая, постепенно рассеиваясь, превратилась в сизое облачко. – Ты уж или гриппуй, или отдыхай на курорте. Иначе какая-то ерунда получается, согласна?

Рая снова кивнула, хотя это определение звучало слиш-

ком слабо, чтобы охарактеризовать сложившуюся ситуацию. Не ерунда, а полнейшая катастрофа. И все переворачивалось у нее внутри, будто комната, в которой она находилась, летела в бездонную пропасть. Прямым в тартарары. Все быстрее и быстрее.

– Теперь о твоей главной ошибке, – продолжал мужчина, сунув руку в карман.

– Нет! – слабо воскликнула Рая. Она решила, что сейчас увидит перед собой пистолет. Или нож. Или опасную бритву.

Вместо этого перед ее глазами возник развернутый бумажник, в целлулоидном окошке которого был помещен снимок смеющейся девочки лет четырех. Прикоснувшись к нему пальцем, мужчина произнес:

– Это Анечка, дочь учредительницы фирмы «Эверест». По странной прихоти родителей, ее фамилия Лепетуха, хотя на самом деле она Громова, и я тоже Громов. Анечку, – палец постучал по целлулоиду, – дорожке которой для меня нет никого на свете, похитили и требуют за нее выкуп. Вот твоя главная ошибка. За эту девочку я могу оторвать голову и тебе, и тем, кто стоит за тобой. – Мужчина, назвавшийся Громовым, помолчал, а потом добавил: – Без преувеличения. В самом буквальном смысле этого слова.

– Я не знала! – Рае вдруг стало так жалко незнакомую Анечку и саму себя, что на глаза навернулись слезы. – Я не подумала!..

– Теперь знаешь, – жестко сказал Громов. – И теперь у

тебя есть время подумать. Ровно минута, не больше.

До Райных ушей донеслось отчетливое тиканье стареньких настенных ходиков. Странное дело, раньше она никогда не осознавала, как громко они идут.

– Наверное, надо заплатить, – пролепетала Рая, не в силах выносить воцарившуюся тишину.

– Полтора миллиона? – Лицо Громова помрачнело.

– Но ведь деньги есть... Я сама зачисляла их на счет фирмы.

– А потом?

– Потом? – Рая похолодела, начиная догадываться о том, что произошло непоправимое. – Потом меня направили на аудиторскую проверку, и меня подменял кто-то из девчат. Через два дня я заскочила на работу, чтобы забрать кое-какие личные вещи, и...

Громов прищурился:

– Что же ты замолчала? Рассказывай, не стесняйся.

– Мне больше нечего рассказывать. На следующее утро я позвонила на работу, наврала, что болею. А дальше, – Рая развела руками, – дальше вы и так все знаете.

– Не все, – отрезал Громов. – Зачем ты уничтожила данные по фирме «Эверест»?

– Сама не знаю. – Девушка потупилась. – Я думала, что так будет надежнее. Ну, на случай следствия.

Сдерживая сильнейшее желание отвесить этой идиотке оплеуху, Громов спросил:

– Кому ты проболталась про эти чертовы миллионы? Это были чужие деньги, понимаешь? Деньги как пришли на счет моей дочери, так и ушли. – Он взмахнул рукой. – Но соответствующий файл удален. И твои знакомые пребывают в уверенности, что нашли дойную корову. Как их теперь убеждать, а?

– Я встречусь с Лехой и скажу, что все напутала, – поспешно заговорила Рая, боясь, что ее не захотят выслушать до конца.

– И ты полагаешь, что после этого твой Леха отдаст нам Анечку целой и невредимой? – Вскочивший на ноги Громов схватил девушку за плечи и встряхнул так яростно, что у нее клацнули зубы. – Похитители почти никогда не возвращают свои жертвы, запомни! Независимо от того, получили они выкуп или нет!.. У, дура безмозглая!

Не сдержавшись, он оттолкнул Раю от себя. Пару секунд стул, поднявшийся на задние ножки, балансировал в неустойчивом равновесии, а потом шумно опрокинулся на пол. Единственное, что успела сделать Рая, это свести ноги вместе, чтобы не слишком растопырить их при кувырке через голову.

Падение все равно получилось ужасно неуклюжим, от удара затылком из глаз посыпались искры. Но зато в голове неожиданно прояснилось. Распластавшись на спине, Рая лежала и отстраненно думала, что ее шансы на спасение мизерны. Либо ее прикончит этот Громов с белыми от ярости гла-

зами, либо Леха, который, оказывается, вызвал ее вовсе не для того, чтобы заплатить за услугу. Никаких денег с учредительницы «Эвереста» он не получил и получить не мог. Значит, в условном месте Раю ожидала засада.

– Если вы меня отпустите, я могу вывести вас на Леху или на его людей, – решительно сказала она. – Сегодня. – Поднеся к глазам запястье с браслетом часов, Рая добавила: – Через полтора часа.

Громов протянул ей руку, рывком поставил на ноги и проворчал, глядя в пространство за ее спиной:

– Тогда иди умойся. Насколько мне известно, у женщин это занимает значительно меньше времени, чем макияж.

Глава 3

В мире животных

1

Здание, в котором размещался плавательный бассейн средней школы № 37, не слышало детского смеха с тех самых пор, как администрации сделалось слишком накладно оплачивать ту прорву подогретой воды, которая требовалась для ежедневного наполнения огромного резервуара. И вообще, директору было интереснее сдавать пустующие площади в аренду, чем ломать голову над тем, как их использовать и содержать в надлежащем порядке. Заключив соответствующий договор с коммерческой фирмой «Заря», он избавился от лишней головной боли и присовокупил к своей более чем скромной зарплате ежемесячную сотню долларов, которая никак не фигурировала в платежных ведомостях.

Коммерсанты отгородились от школы кирпичной кладкой и стали пользоваться черным ходом в бассейн, расположенный с тыльной стороны здания. В небольшом дворике помещалось одновременно до пяти иномарок, но установить их точное количество мешала высокая бетонная ограда, возведенная «Зарей» по согласованию со школьной администра-

цией. Положительное решение принесло директору дополнительную прибыль, а происходящим в арендованной пристройке он совершенно не интересовался. Кто-то возводит мосты, кто-то – стены, а лично он сеял разумное, доброе, вечное, посвящая этому все свое время, свободное от упрочения собственной материальной базы.

Впрочем, если бы однажды господину Калугину вздумалось наведаться в помещение спортивного комплекса, его вряд ли пустили бы дальше вестибюля, отделанного в лучших традициях помпезных офисов российской глубинки. Кожаные диваны с бегемотоподобными креслами, искусственная зелень, изобилие настоящего пластика и фальшивой позолоты – все это должно было убедить визитеров в том, что здесь занимаются серьезным бизнесом. Например, что-нибудь перекупают. Или же совсем наоборот – перепродают. Богатый интерьер оставлял самый широкий простор для фантазий.

На самом деле под вывеской фирмы базировалась ударная бригада Алексея Бреславцева, имевшая весьма своеобразное представление о коммерции. Дружный коллектив числом в девять стволов оккупировал пристройку для того, чтобы было где тереть базары, хранить арсенал и отсиживаться после дерзких вылазок. Поскольку Леха Бреславцев по кличке Каток снискал себе славу самого отморозенного беспредельщика в городе, кантоваться поодиночке на съемных хатах его бойцы не желали. Таких рискованных очень скоро пока-

зывали в сводках криминальной хроники – либо запоздало выуженных из водоема, либо наспигованных свинцом под завязку. Кому такое понравится? Вот и приходилось бандитам держаться вместе, как волкам в стае. Верховодил, разумеется, Леха. Перечить ему было все равно, что бросаться под каток, за что он и получил свое прозвище. Строптивные новички убеждались в этом очень скоро. Но не все успевали сделать соответствующие выводы. Поэтому в банде наблюдалась, если так можно выразиться, текучесть кадров.

Татарин Кемаль, принятый вместо удушенного в КПЗ бойца, состоял в группировке без году неделя и пока только присматривался к пацанам и вожаку. К нему тоже присматривались – в шестнадцать глаз. Дополнительная пара, девятая, следила за каждым движением Кемалья из темного угла полуподвального помещения.

Там, на дырявом матрасе, сидела маленькая светловолосая девочка. Глаза у нее казались глубоко запавшими и лихорадочно блестящими, будто ее сжигал внутренний жар. Слева от нее стояла миска, из которой девочку кормили, справа – ведро, заменявшее ей унитаз. На шее пленницы был затянут собачий ошейник, цепь которого крепилась к трубе парового отопления почти под самым потолком. Когда она лежала, цепь натягивалась до предела. Если бы не матрас, чуточку приподнимавший ее тельце над цементным полом, она вполне могла уснуть и не проснуться.

Кемаль перехватил устремленный на него взгляд и под-

мигнул девочке. Ему было скучно. Четверо пацанов отправились отлавливать наводчицу Раю, чтобы она не проболталась по дурости, кому слила информацию про фирму «Эверест». Остальные, включая Леху, дрыхли после вчерашней попойки. Кемаль зевнул и, достав пачку сигарет, спросил у девочки:

– Курить хочешь?

– Я домой хочу, – ответила она.

– Сначала пусть твои папка с мамкой денежки нам заплатят, – сказал Кемаль, с удовольствием затягиваясь сигаретным дымом.

Он сидел на старой школьной парте, и вид ее исписанной крышки воскрешал в нем детские воспоминания, настраивая его на добродушный, игривый лад. Кемаль даже ногами болтал, хотя походил вовсе не на мальчишку, а на жирного кастрированного кота. Круглая голова, поросшая свалывшимися волосами, воротник второго подбородка. Далеко не красавец, хотя ничто человеческое ему было не чуждо.

– Ты за ними небось подсматриваешь в щелочку, а? – спросил Кемаль, хитро прищурившись.

– За кем? – девочка недоуменно уставилась на него своими темными глазищами.

– За папкой с мамкой, когда они...

Правая ладонь Кемалья звучно шлепнула по левой, сложенной в кулак. Он беззвучно засмеялся.

– Вы совсем дурак, дядя?

– Что-о?

Кемаль прекратил болтать ногами и подался вперед.

– Что ты сказала, мандавошка?

– Я Аня, а никакая не мандавошка! А вы, если и не совсем дурак, то все равно глупый. Разве можно так с детьми разговаривать?

– Ты учить меня будешь, соплячка? – Когда татарин грузно спрыгнул с парты, девочке показалось, что пол под ней вздрогнул. Приближаясь к ней, Кемаль отшвырнул дымящийся окурок и заменил сигарету на нож с узким лезвием. Оно то выскакивало наружу, то снова втягивалось в рукоять, как осиное жало.

– Я тебе сейчас шкуру на ремни порежу, – пообещал он, нависая над пленницей. – Но для начала отчекрыжу твой симпатичный носик. Тебе придется носить его днем на резиночке, а по ночам держать в холодильнике, чтобы он не испортился. Нравится тебе моя задумка?

С той самой минуты, когда одурманенную хлороформом Анечку бросили в багажник иномарки и увезли из родного двора, ей уже ничего не могло понравиться. Похитители посадили ее на цепь, как собачку, и неотлучно дежурили в комнате, сменяя друг друга. Самым главным среди них был тот, которого остальные звали Лехой. Самым противным – толстый Кемаль. Он отказался отвернуться, когда Анечка захотела на ведро, и теперь ее мочевого пузыря был переполнен, как грелка, постоянно напоминающая о себе тяжестью внизу живота.

Представив себе, как толстый Кемаль ткнет ее своим ножичком, девочка зажмурила глаза, но не закричала, а только прикусила губу. Она уже почти желала умереть.

Дни, проведенные в полутемном подвале, походили на ночи, а ночи были бесконечно долгими, как годы. Где-то монотонно капала вода: плонк... плонк... плонк... Возле дальней стены временами затевала возню тощая рыжая крыса, угодившая в крысоловку. Ее почему-то не убивали, но и не отпускали на волю. Анечка, которая прежде боялась крыс до потери пульса, относилась к товарке по несчастью с сочувствием. Потому что ее собственное положение было ничем не лучше.

В это не хотелось верить, но внутренний голос постоянно

нашептывал Анечке, что для нее все кончено. Не будет ни первого школьного звонка, ни выпускного вечера, ни подвенечного платья, фасонами которого были заполнены почти все страницы Анечкиных альбомов для рисования. Ничего не будет. И последним, что она испытает в этой жизни, станет боль от вонзившегося в грудь ножа. Или в живот? Или в горло, где все сильнее пульсируют напрягшиеся жилки?

Кемаль стоял совсем рядом – рукой подать. Три месяца назад, когда Анечка была еще совсем маленькой и глупой, у нее умер (а вовсе не сдох, как говорили взрослые) любимый кот Барсик, и она долго не позволяла маме похоронить его на задворках, несмотря на ее обещания поставить на могильном холмике настоящий сосновый крест из сосновых досочек. Так вот, когда мертвый Барсик пролежал в картонной коробке, выложенной ватой, три дня, от него пошел такой же запах, который распространял вокруг себя Кемаль. Хороший человек ни за что не станет так пахнуть, угрожая при этом ножом девочке, которая младше его в пять раз. Это Анечка знала наверняка. Как и то, что ни в коем случае нельзя показывать врагам свой страх. Злые собаки и плохие люди нападают, когда чувствуют слабость, – так учил ее дед.

Немного шалея от собственного нахальства, Анечка открыла глаза и попросила:

– Вы не могли бы отойти подальше? От вас воняет.

– Так, значит? – угрожающе спросил Кемаль.

Вместо того чтобы ударить девочку ножом, он спрятал его

в карман и, сходя в дальний угол подвала, возвратился со странной на вид штуковиной. – Знаешь, что это такое?

– Нет. – Анечка вдруг поняла, что на свете есть вещи пострашнее ножей с выкидными лезвиями.

– Это паяльная лампа, – пояснил Кемаль с невероятно гадкой улыбкой. – Она нужна, чтобы обеспечивать некоторым нашим гостям самый горячий прием. Вот смотри...

Он повозился с лампой, и неожиданно полумрак рассекла оранжевая струя огня, заставившая Анечку отпрянуть, насколько ей позволила длина цепи. Кемаль издал звук, очень похожий на шипение пламени, – это он так смеялся. Многообещающе поглядывая на пленницу, он подошел к крысе, высвободил ее из капкана и поднял за хвост, напоминая сильно раскормленного мальчишку – самого гадкого из всех, кого Анечке доводилось видеть.

Пшшшт!..

Извивающаяся крыса, опаленная струей огня, вспыхнула, как комок шерсти. Отпущенная на свободу, она попыталась улизнуть в расщелину в дальнем углу подвала, но со слепу промахнулась, ударившись в стену. Это повторилось несколько раз и продолжалось невыносимо долго. Пронзительный визг зверька стоял у Анечки в ушах даже после того, как почерневшая тушка застыла, задрав кверху все четыре лапки, похожие на горелые сучки. Тошнотворный дым тянулся над полом, забиваясь в ноздри, хотя Анечка старалась не дышать носом. А довольный Кемаль опять стоял рядом,

держала паяльную лампу перед собой.

– Снимай с себя все, – велел он, ухмыляясь все шире и шире. – Сейчас разберемся, кто чем пахнет. Для начала я поджарю тебе попку до хрустящей корочки, а потом проткну ее щепкой, как буженину... Ну, раздевайся, соплячка! – Он возбужденно засмеялся: – Пх-пх-пх!

Анечка заметила, что мысок его штанов вспучился, как будто там, внутри, надулся припрятанный шарик. Но это был нехороший фокус. Совершенно отвратительный, хотя такого определения в словарном запасе девочки не было. Она не так давно перестала пользоваться словом «бьяка», ведь ей только-только исполнилось пять лет. Возраст, в котором знаешь о взрослых мерзостях слишком мало.

– Ну! – взявшись рукой за цепь, Кемаль требовательно дернул ее вверх, вынуждая Анечку встать на ноги. Похоже, ему понравилось то, с какой легкостью удалось приподнять легкое тельце над матрасом, потому что он повторил рывок. – Поднимайся, соплячка!

На этот раз девочка взлетела в воздух, как невесомая былинка. Ей показалось, что грубый ошейник вот-вот оторвет ей голову, и, ощутив под ногами опору, она заплакала. Что еще оставалось делать в ее положении? Просить о пощаде человека, который умел быть одинаково жестоким с крысами и маленькими девочками? С человеком, у которого в руке паяльная лампа, а в кармане – острый нож?

– Будешь упрямиться, сделаю тебе секир-башка, – сказал

он. — Знаешь, что это такое?

— *Я знаю.* — Этот голос прозвучал за спиной Кемалья, и он, забыв о зареванной девочке, обернулся назад с проворством ужаленного человека.

Там, лениво прислонясь плечом к дверному косяку, стоял Леха Каток. По выражению его лица невозможно было определить, как он относится к увиденному. Но, когда он зевнул во весь рот, обнажив желтоватые зубы, Кемаль решил, что Лехе все по барабану, и кивнул на свою всхлипывающую жертву:

— Ты только погляди на нее. От горшка два вершка, а уже права качает.

— Да? — скучно удивился Леха. — А ты ее, значит, уму-разуму учишь?

— Что-то вроде того, — признался Кемаль и, подергав для наглядности цепь, добавил: — Она у меня по струнке будет ходить через полчаса. Уж я ее выдрессирую, сучку малолетнюю.

— Тут у нас не цирк, — заметил Леха, прикуривая сигарету. Он предпочитал длинные коричневые, с золотыми ободками. И обычно успевал сгрызть фильтр к тому времени, когда сигарета дотлевала до половины.

Так и не придумав, что ответить, Кемаль просто засмеялся в своей обычной манере — пх-пх-пх — и повернулся к пленнице.

— Ты до сих пор в штанишках? — его брови поползли

вверх. – А что тебе дядя велел, забыла?

– Вы мне не дядя! – успела выкрикнуть Анечка, прежде чем цепь вновь вздернула ее над полом.

Лехина рука легла на плечо Кемалья:

– Оставь ее в покое, кентарь. Ей и без тебя тошно.

– Да отвали ты! – Кемаль попытался высвободиться, но вместо этого выпустил цепь и развернулся на сто восемьдесят градусов, хотя вовсе не собирался делать этого.

Рука у Лехи Катка оказалась тяжелой, несмотря на то что сам он не производил впечатление силача. Ничем не примечательный молодой парень с мягкой белесой порослью на скулах вместо полноценной щетины. За спиной ни почетных ходок, ни авторитетных покровителей. Голос невыразительный, взгляд тусклый, движения медлительные.

Будучи в банде новичком, Кемаль понятия не имел, насколько обманчиво это впечатление. Ему пока не доводилось видеть главаря в деле, он не знал, на что тот способен, и в его глазах Леха не пользовался особым уважением. Как рядовой боец, Кемаль, конечно, был обязан подчиняться ему беспрекословно. Но в настоящий момент он являлся не обычным, а чрезмерно возбужденным членом группировки. Мысленно он уже начал проделывать с пленницей все, что ему хотелось проделать, и вмешательство вожака завело его с пол-оборота.

– Не ломай кайф, абый, – попросил он. – Ничего с этой сучкой не случится. Все равно ее потом... – Его руки свер-

нули шею воображаемому цыпленку.

– Закрой базар! – прошипел Леха, сделавшись внезапно похожим на дикого кота перед нападением. – И не зови меня больше Батыем.

Кемаль криво усмехнулся, запустив пальцы в карман, где хранился выкидной нож. Он был готов отдернуть руку, если вожак насторожится и выхватит оружие первым. Но Леха Каток, похоже, не чувял близкой опасности. Вот главная проблема желторотых юнцов, подумал Кемаль. Дожить до зрелого возраста им мешает собственная самоуверенность. Некоторые умирают раньше, чем у них начинает расти настоящая борода.

– Не Батый, а абый, – поправил он главаря. – Так называют у меня на родине уважаемых людей.

Леха пустил себе под ноги ниточку слюны.

– У тебя на родине, может, и свиной дрючат, а мы по своим понятиям живем. Законы ислама тут не катят.

У Кемаля от возмущения затряслись щеки:

– Ты полегче, Каток! За свиной и ответить можно!

Очередной Лехин плевок пришелся в сантиметре от ботинка подчиненного. После чего главарь процедил:

– Не вали меня понтами, жирный. Не знаю, как в Татарстане, а в Курганске ты пока что никто и звать тебя никак. Так что вот тебе мой совет: глохни, пока лишнего языком не намолотил.

– Порожняк ты гонишь, а не я, – глухо произнес Кемаль,

отступая на два шажка назад. – Не по делу ты на меня наезжаешь, Каток, ох не по делу. И мне...

– Тебе – хреном по губе, шайтан нерусский, – перебил его Леха, почему-то не замечая ножа, который словно по своей воле скользнул в руку противника.

– Шайтан, говоришь?

– Ага, говорю. И под словами своими подписываюсь.

– Уж не кровью ли? – вкрадчиво осведомился Кемаль.

– Да уж не соплями! – заверил его Леха.

– А это видел? – Лезвие очертило дугу, бесшумно вспоров пространство, разделяющее обоих противников.

Съездившаяся на матраце Анечка следила за стычкой бандитов круглыми от ужаса глазами. Лишь теперь она осознала, что происходящее с ней в тысячу раз хуже любого кошмара, потому что страшные сны рано или поздно заканчиваются пробуждением, а от жуткой яви никуда не спрятаться. И если сейчас безоружный главарь по имени Леха погибнет или просто спасует перед толстым Кемалем, оставив его с Анечкой наедине, ее уже никто не спасет. Ни мама, ни отчим, ни дед. Никто-никто. Никогда.

– Спрячь перышко, – предложил Леха, как если бы противник показывал ему не оружие, а какой-то безобидный предмет вроде зажигалки или авторучки. Он перестал улыбаться, и его побелевшие ноздри сузились, как на морозе.

Пройдясь кончиком клинка под ногтем на своей левой руке, Кемаль наставительно произнес:

– Кем бы ты ни был, не оскорбляй наши обычаи, нашу веру. Мы, мусульмане, таких вещей не прощаем.

– Ты что же, джихад мне собираешься объявить, чурка азиатская? – скучно поинтересовался Леха.

Попади девчонка в беду где-нибудь за пределами этих стен, он, скорее всего, равнодушно проехал бы мимо. Но сейчас он был в ответе за заложницу хотя бы потому, что голова ее была оценена в полтора лимона. Кроме того, позволив борзеть одному члену своей группировки, он показал бы свою слабинку всем остальным, а тут как в волчьей стае – слабого разорвут в клочья, глазом моргнуть не успеешь.

– Джихад? – переспросил Кемаль. – Хм, пусть будет джихад, ладно. Алла баерсэ. – Он сделал шаг вперед.

– Переведи-ка, – предложил Леха, не сдвинувшись с места.

Чтобы вспороть ему брюхо, достаточно было один раз взмахнуть ножом, снизу-вверх. Прикинув свои шансы, Ке-

маль ослабился:

– Это значит: бог даст.

– Бо-о-ог, – уважительно протянул Леха. – Он, конечно, величина авторитетная, базара нет. Только не на него ты оглядываться должен, сайгак.

Сайгак? Это еще что за хренотень такая? Не слышал Кемаль такого обращения никогда прежде, и оно ему пришлось не по вкусу. Так что он взял да и прищурился обидчиво, хотя при узком разрезе его глаз делать это было вовсе не обязательно:

– На кого же мне оглядываться, Каток?

– Иди, на ушко шепну.

Кемаль смерил долгим взглядом сначала жожака, потом его пустые руки. В правом кармане Лехиной куртки вполне мог скрываться ствол. Штука, конечно, опасная, но не волшебная – сама хозяину в руки не прыгнет. Да и взвести затвор нужно, прежде чем выстрелить. А клинок – вот он, крепко-накрепко зажат в чуть вспотевшей ладони.

– Ну? – голос подавшегося вперед Кемалья прозвучал почти требовательно.

– Ближе, – поманил его Леха скрючившимся, на манер когтя, пальцем.

– Ну? – повторил Кемаль. Он склонился к жожаку, но вооруженную руку отвел назад, чтобы ее нельзя было перехватить за запястье.

Заметив этот жест, Леха улыбнулся странной заморожен-

ной улыбкой, при которой губы растянулись в прямую розовую линию, напоминающую шрам.

– Еще ближе... Вот так... – произнес он, когда скособочившийся Кемаль приблизил к нему свою черноволосую башку, усыпанную перхотью, как головешка – пеплом. – Слушай меня, сайгак, и запоминай, потому что два раза я повторять не привык... Все мы, конечно, под богом ходим, да только он далеко, а я – вот он, рядом. Дошло до тебя, сайгак толстозадый?

Шипящие в Лехином произношении получались по-змеиному ядовитыми, а буквы «р» рокотали на манер отдаленного грома. Заподозривший неладное Кемаль хотел было отпрянуть, да не успел – его цепко ухватили за ухо хозяйские пальцы, оказавшиеся необычайно цепкими и сильными.

Вместо того чтобы нанести удар ножом, Кемаль инстинктивно дернул головой, пытаясь высвободить ее из захвата. Это было совершенно естественное, но ошибочное побуждение. Леха сгреб доверчиво подставленное ухо в кулак и сжал пальцы так, что хрящи под ними захрустели, а свободной рукой резко ударил Кемаль в висок, отбросив его от себя. Тот свалился на пол уже без ушной раковины, оставшейся в Лехином кулаке. Из-за хлынувшей крови слуховое отверстие казалось глубокой раной, но татарин был жив и находился в полном сознании, отчего испытанная им боль была совершенно непереносимой. В этот момент он ничего не видел и слышал лишь собственный голос – пронзительный, как визг

покрышек резко затормозившего автомобиля.

– У-у! – голосил он, раскачиваясь на коленях в молитвенной позе. – Ё-ё!

Но аллах, как было подмечено недавно, находился в неведомых далях, а Леха – рядом. Возвышаясь над поверженным Кемалем, он держал в одной руке оторванное ухо, а в другой – снятый с предохранителя пистолет.

– Заткнись и забрось подальше свою пику, сайгак, – распорядился он. – Патрон уже в стволе, учти.

Тускло сверкнув лезвием, нож полетел в дальний угол помещения. Кемаль, прикрыв огрызок уха поднятым плечом, притих, глядя на вожака снизу вверх.

– Открой рот, – скомандовал тот.

– Зачем? – всхлипнул татарин.

– Кормить тебя буду, сайгак. С руки.

Изобразив уголками губ подобие улыбки, Леха протянул татарину его собственную ушную раковину, похожую на раздавленный вареник, сочащийся вишневым соком.

– На! – сказал он. – Прожуеть и проглотить. Потом хлебальник мне покажешь, проверю!

– Но, Каток!..

– Хавай, я сказал! – пистолетный ствол нетерпеливо вскинулся.

«Сейчас меня стошнит», – обреченно подумала Анечка, следя за мерно двигающимися челюстями Кемалья. Она судорожно сглотнула одновременно с ним, как будто тоже пе-

ремалывала зубами неподатливые хрящи, и поразилась тому, что до сих пор не умерла от отвращения и ужаса.

– Угумк. – Глотка Кемаля просигналила о том, что с угощением покончено.

– Открой пасть, – велел Леха.

– Я проглотил, – заверил его Кемаль, даже не помышляя о том, чтобы встать с колен. – Мамой клянусь...

– Пасть!!!

– А-а-а...

При виде старательно высунутого языка, окрасившегося в малиновый цвет, Анечка отстраненно подумала, что происходящее чем-то напоминает сценку в кабинете врача. Недавно она переболела ангиной и наивно полагала тогда, что хуже этого на свете ничего быть не может. Оказалось, может, еще как может!

Ствол пистолета безгласно оттопырил верхнюю губу Кемаля, с цокотом прошелся вдоль верхнего ряда зубов, потом неожиданно нырнул в разинутый зев и ввинтился внутрь по самую рукоятку.

– Ыгым? – встревожился Кемаль.

– Что ты сказал? – На Лехином лице возник неподдельный интерес.

– Ыгым-ыгым!

– Мычишь, как немой на паперти, – поморщился Леха. – Прощения хочешь попросить? Так проси, вместо того чтобы убогого из себя корчить!

– Ыгым-ыгым-ыгым!!!

– Ладно, прощаю тебя, сайгак. Только на хрен ты мне теперь сдался, безухий?

Прежде Анечка слышала выстрелы только по телевизору и не сразу поняла, что за глухой хлопок прозвучал в комнате. Голова Кемалья внезапно изменила форму, выплеснув наружу красный сгусток.

Анечка обязательно взвизгнула бы, если бы Лехино внимание не переключилось на нее. Опрокинувшийся на спину Кемаль еще дергался на полу и мелко сучил ногами, словно порывался куда-то идти, а Леха, не мигая, смотрел на съевшуюся пленницу, и дымящийся пистолет по-прежнему находился в его руке.

– Все кончилось, – сказал он, заметив, как дрожат ее губы. – Не бойся. Тебя здесь никто пальцем не тронет. Сейчас этого жирного ублюдка уберут, и все будет в порядке.

– С-спасибо, дядя Леша, – пролепетала Анечка.

Реакция Лехи была неожиданной и яростной:

– Какой я тебе дядя! – заорал он так, что все жилы разом вздулись на его шее. – И благодарить тебе меня не за что, дура безмозглая!

Странное дело, но вместо того чтобы испугаться, Анечка внезапно успокоилась.

– Но вы же меня спасли, правда? – напредила она.

– Спас, ага, – буркнул Леха, хмурясь.

Прежде чем он отвернулся и вышел, Анечка успела уви-

деть на его лице болезненную гримасу. Как будто главаря бандитов ударили под ложечку, а он бодрился, не желая показывать свои истинные чувства.

Глава 4

На живца

1

Когда дождь усиливался, приходилось включать «дворники», но все равно происходящее снаружи казалось размытым, словно Громов и его спутница сидели не в машине, а в подводном батискафе. Если не считать попискивания, с которым елозила резина по стеклу, в салоне было совершенно тихо.

Прохожие прятались под куполами зонтов, навесами троллейбусных остановок, козырьками зданий. Некоторые пережидали ненастье в мебельном салоне, расположенном через дорогу, напротив. Их темные силуэты маячили за освещенными витринами, как тени. Это усиливало ощущение сумерек, хотя на часах Громова было только четверть второго. Ровно сорок пять минут до времени, назначенного для передачи Рае вознаграждения. Ее персональных тридцати сребреников, что по нынешнему курсу составляло сто пятьдесят тысяч долларов США.

Соблазнив Раю этим кушем, ее наверняка собирались ликвидировать, увезя куда-нибудь подальше. Наводчица

свое отработала, и нянчиться с ней никто не станет. Тем более делиться. Сами бандиты за полтораста штук баксов не удавятся, но зато лишат жизни десятков таких девиц, не поморщась. Благодаря вмешательству Громова, у Раи появился шанс выжить, хотя и мизерный, почти эфемерный.

Она и сама начала догадываться об этом, судя по ее несчастному виду. Но Громов не сказал ей ни одного слова утешения. Он находился здесь не для того, чтобы выражать сочувствие особе, по милости которой его внучка оказалась в лапах бандитов. Всякая подлость имеет свою цену. Когда роешь яму другому, будь готов к тому, что тебя в ней же и похоронят. Справедливость – штука жестокая.

Сигареты, которые курил Громов, казались ему прелыми, как это случается во время болезни. Совершенно отвратительный вкус, но все же лучше абсолютной бездеятельности, сохранять которую удавалось с огромным трудом. Еще никогда ожидание в засаде не было для Громова столь тягостным. Ублюдков, требующих выкуп за Анечку, трогать пока нельзя. Это наполняло душу ощущением собственного бессилия.

Если бы в указанное место появился только один из членов Лехиной банды, Громов нашел бы тысячу и один способ развязать ему язык любыми подручными средствами, имеющимися в его распоряжении. Правда, особой надежды на такой вариант не было, а вступать в схватку сразу с несколькими противниками Громов не имел права. Стоит одному из

них улизнуть, и судьба Анечки будет предрешена. Похитители детей – нервный народ. Очутиться за решеткой с соответствующей статьей хуже смертного приговора, поэтому в случае опасности бандиты обычно избавляются от свидетелей.

Что касается понурившейся Раи, ее дальнейшая судьба волновала Громова меньше всего. Но Анечка! Трудно вообразить, каково сейчас пятилетней девочке, попавшей в такой переплет. Об этом даже не хотелось думать. И Громов, затаиваясь горьким дымом, старался целиком сосредоточиться на наблюдении за стоянкой.

Всякий раз, когда там возникала новая фигура, он внутренне напрягался, но тревога оказывалась ложной. Бандиты наверняка прибыли на условленное место заранее, однако не спешили обнаруживать себя. Скорее всего, сейчас они, как и Громов, сидели в поставленной неподалеку машине и присматривались к происходящему вокруг.

Их дальнейшие действия было нетрудно предугадать. Ровно в 14.00 один из бандитов приблизится к Раисиной «Оке», припаркованной на стоянке еще накануне. По предварительной договоренности водительская дверца была не заперта на замок – таким образом владелица решила избавить себя от личного контакта с сообщниками. Итак, кто-нибудь из бойцов Лехи Катка сделает вид, что кладет в «Оку» сверток с деньгами, после чего демонстративно покинет место событий. А дальше Раю поджидал большой сюрприз.

Придумав такой способ получения своей доли, она наивно

полагала, что обезопасила себя от всякого рода неприятностей. Но за ее машиной обязательно будут следить остальные бандиты. И как только доверчивая жертва явится за приманкой, ее постараются схватить или выследить. Место слишком людное, чтобы убивать Раю на месте, хотя и такая вероятность существовала. Это уж как фишка ляжет.

В любом случае после того, как похитители обнаружат себя, Громову останется лишь сесть им на хвост и выявить их базу. Дальше – жизнь покажет. Или смерть, может быть, даже собственная. И это справедливо. Мужчине, неспособному постоять за своих близких, незачем коптить небо над головой. Такой – одна видимость человека. Ходячее недоразумение.

– Может, они и не явятся вовсе? – с надеждой спросила Рая. Хотя ей было велено помалкивать, напряженная тишина оказалась для нее слишком трудным испытанием.

– Явятся, – пообещал Громов.

– И что же, я должна добровольно совать голову в петлю?

– Почему бы и нет? Многие на твоём месте давно удавились бы.

– Спасибо на добром слове, – съязвила Рая.

– Пожалуйста, – ответил Громов, глядя прямо перед собой. – От меня и моей внучки.

Снова наступила тишина. Насупившаяся Рая достала из сумочки косметичку и занялась подкрашиванием губ. Похоже, результат ей не понравился. Раздраженно убрал помаду

и зеркальце, она заявила:

– Вот что, никуда я не пойду. Леха меня убьет. Какая разница, кто это сделает: вы или он? – Не дождавшись ответа, Рая буркнула, косясь на профиль своего спутника: – Сколько можно курить? В машине уже не продохнуть от вашего дыма.

– От моего дыма, – согласился Громов. – В моей машине.

– Между прочим, я к вам в попутчицы не напрашивалась! – заметила Рая. – И потом, никотин мне вреден. Я... беременна.

– М-м? – Громову показалось, что он ослышался.

– Я уже на втором месяце! – Это было произнесено не только с вызовом, но и с упреком. Как будто к Раиной беременности были причастны все мужчины без исключения.

Выбросив недокуренную сигарету, Громов занялся проветриванием салона. Лишь когда с этим было покончено, он повернулся к соседке и проворчал:

– Вот что, мать-одиночка, слушай меня внимательно. Когда подойдешь к «Оке», внутрь не садись, дверцу не открывай. Немного постой на месте, будто что-то вспоминаешь, а потом разворачивайся и иди быстрым шагом в магазин. – Громов кивнул в сторону мебельного салона. – Там тебя никто не тронет, слишком людно.

– А потом? – поинтересовалась Рая. – Как я буду выбираться оттуда? Прикажете мне поселиться в каком-нибудь шкафу или под кроватью? – Она возмущенно фыркнула.

Громов пожал плечами:

– В принципе это твое дело. Но лучше обратиться к охранникам и пожалуйся, что тебя преследует сексуальный маньяк, это должно сработать. – Он помолчал. – Некоторые также специально затевают скандалы, чтобы привлечь к себе внимание или угодить в милицию. Еще можно изобразить сердечный приступ, чтобы вызвали «Скорую».

– Может, лучше пожарных? – предположила Рая с невинным видом.

Покосившись на нее, Громов хмыкнул:

– Как знаешь. У тебя будет самый широкий простор для фантазии. Короче, выкручивайся сама. А я тебе ничем помочь не смогу. – Сдвинув брови, Громов добавил: – И не хочу.

Когда он подсказал Рае выход, с его сердца словно свалился камень. Ведь не было никакой необходимости в том, чтобы жертвовать девушкой. Будет вполне достаточно, если бандиты обнаружат себя, двинувшись за ней следом. Главное, вычислить их машину. А если Рае посчастливится улизнуть – что ж, так тому и быть. Возможно, отсиживаясь у себя на квартире, она сделает какие-то полезные выводы.

Страх – лучший советчик для тех, кто лишен совести.

Про беременность Рая брякнула по привычке. Она всегда прибегала к этой уловке, когда хотела разжалобить мужчин. В действительности ее предохраняла от подобных казусов позолоченная спираль, от которой Рая не собиралась отказываться в обозримом будущем. Ведь далеко не каждого мужчину убедишь воспользоваться презервативом. Жизнь – не реклама безопасного секса. Тут каждый сам за себя.

Уголком глаза Рая осторожно посмотрела на обращенный к ней профиль Громова. В иной ситуации знакомство с этим человеком могло оказаться очень и очень приятным. Пять-шесть гарантированных оргазмов за ночь, не меньше – в оценке потенциальных партнеров Рая никогда не допускала ошибок. У мужчин, которые годятся не только для того, чтобы по-быстрому приналечь на женщину, особый взгляд, особое выражение лица. И они излучают совершенно неповторимую ауру. Таких не спутаешь с озабоченными попрыгунчиками, способными лишь болтать языком.

С некоторым изумлением отметив, что ее соски затвердевают в чашечках бюстгальтера, Рая бросила в пространство перед собой:

– Прохладно. Вы не могли бы включить обогреватель?

– Нет, – отрезал Громов. – Машина с работающим двигателем привлекает к себе внимание.

– Но еще только без пятнадцати два! – закапризничала Рая. – Я тут околею совсем!

– *Тут – не околеешь.*

– Это черный юмор такой?

– Это констатация факта. – Повертев в пальцах сигаретную пачку, Громов спрятал ее в карман и предложил: – Пока суд да дело, расскажи-ка мне поподробнее о своем друге детства. Хочу знать, что представляет собой этот Леха Каток.

– Ничего особенного. – Рая передернула плечами. – Парень как парень. Таких сейчас много.

– Слишком много, – поправил ее Громов. – Но меня интересует конкретно Леонид Бреславцев.

– Ну, вообще-то я его не очень хорошо знаю. Хотя он был моим одноклассником и отдалась я ему еще в школе, на матчах в спортивном зале. – Рая покосилась на спутника, пытаясь определить его реакцию на свое сообщение. – Я училась тогда в седьмом классе, – добавила она.

– Да? – вежливо удивился Громов. – Надеюсь, это не отрицательно отразилось на твоей успеваемости?

– Очень даже положительно! – парировала Рая. Приятная истома в ее груди сменилась глухим раздражением. Она не привыкла к тому, чтобы мужчины оставались равнодушными к ее рассказам о потере невинности. Обычно подобные истории вызывали у них самый живой интерес, особенно у тех, кому за тридцать. – Между прочим, – сердито сказала она, – Леша был у меня не первым.

– Прибереги эти светлые воспоминания для своих внуков, если они когда-нибудь у тебя будут, – посоветовал Громов. – А я хочу услышать о Бреславцеве информацию другого рода. Что он за человек? Как ведет себя в нестандартных ситуациях? Чем выделяется среди себе подобных?

Его взгляд, устремленный на собеседницу, светился холодным любопытством. Столкнувшись с ним, было легко представить себя изучаемым насекомым или даже лягушкой. Рая спрятала озябшие руки в карманы пальто.

– Ну, Леха всегда считался самым отчаянным в школе, – заговорила она, насупившись. – Его даже старшеклассники обходили стороной, а когда он перешел в десятый, то и взрослые мужчины. Я однажды видела, как он дерется один против троих. – Рая оживилась. – Его сбивают с ног, а он встает... Опять сбивают, а он снова встает. Те трое в конце концов удрали. – Она победоносно усмехнулась. – Но Леха разыскал их и расправился с ними поодиночке. Через месяц был выпускной вечер, но он на нем не появился, потому что лежал в травматологии. Ему, оказывается, сломали три ребра и повредили основание черепа.

– А потом? – спросил Громов.

– А потом кости срослись, – ехидно ответила Рая.

– И чем занялся Бреславцев, когда у него срослись кости? – В голосе Громова не проскользнуло ни единой раздраженной нотки.

– Он надолго исчез, и я даже не сразу узнала его при встре-

че. Леша изменился, очень.

– Давно он бандитствует?

– Откуда мне знать? У нас давно не те отношения, чтобы откровенничать друг с другом.

– Неужели? – усмехнулся Громов.

Рая вспомнила, по какому поводу оказалась в его машине, вспомнила, как грубо обращался с ней этот человек, устроив ей форменный допрос, и надулась, показывая всем своим видом, что ее оскорбляют подобные намеки.

– Между прочим, я извинилась.

– Похвально, – сказал Громов, скользя взглядом по автостоянке. – И очень удобно. Совершаешь преступление, а потом говоришь: «Я больше не буду», после чего продолжаешь жить как ни в чем не бывало.

– Я же вам помогаю, – напомнила Рая.

– В первую очередь ты спасаешь собственную шкуру! – Это было правдой, а потому выслушивать ее было особенно обидно.

– У вас невозможный характер!

– У меня внучка, которой всего пять лет. – Скулы Громова окаменели. – На всей земле не найдется столько людей, чтобы они могли заменить мне Анечку. Если с ней что-нибудь случится...

Он не договорил, а просто смерил Раю таким взглядом, что ей срочно захотелось сменить позу. Трудно сидеть вольготно, забросив ногу на ногу, если на тебя смотрят, как на

муху, прежде чем ее прихлопнуть. А вспомнив о том, что ей скоро предстоит спастись бегством от Лехи или его друзей, Рая скисла окончательно. Все еще только начиналось, и угадать, чем это закончится, было невозможно.

Наверное, ее чувства отразились на лице слишком явно.

– Ладно, не вешай нос, – буркнул Громов. – Если не надеешься новых глупостей, будешь жить долго и счастливо.

– Ага, – откликнулась Рая. Она подумала про себя, что для этого нужно иметь человека, которому ты дороже всех на свете. У незнакомой ей Анечки такой человек был. У Раи имелся лишь неутомимый любовник Дэн с иностранным гражданством, и этого ей вдруг показалось мало. Впервые в жизни ей пришлось на ум, что мужчин следует оценивать не только по толщине их бумажника и длине полового члена.

– Смотри внимательно! – окликнул ее Громов. – Это не Леха?

– Где? – вздрогнула Рая от неожиданности.

– Слева от нас. Парень в куртке с меховым воротником, видишь? Дерганный весь такой, а физиономия – как будто чихать собрался.

– Нет, это не он. Леха пониже, худощавый, и волосы у него светлые.

– Значит, это один из его приспешников.

– С чего вы взяли?

– Он уже в третий раз прогуливается по стоянке. К «Оке» присматривается. – Громов нахмурился. – Интересно, где

остальные?

– Остальные? – встревожилась Рая.

– А как же! Сидят сейчас в машине где-нибудь поблизости, за обстановкой наблюдают.

Парень, привлечший внимание Громова, остановился в нескольких шагах от «Оки» и занялся прикуриванием сигареты, хотя сверху продолжал моросить дождь. Пряча огонек зажигалки в ладонях, он бросал внимательные взгляды по сторонам, а затем вновь двинулся в обход стоянки. Только теперь Рая заметила, что парень держит под мышкой бумажный сверток размером с том энциклопедии.

В горле у нее сделалось сухо. Получается, Леха все-таки действительно решил передать ей деньги. Рассказни Громова оказались полной чушью. Он просто запугал Раю, чтобы заставить ее действовать по его указке. Мент? Похоже. Но в данный момент Раю больше всего интересовал сверток. Неужели в нем хранятся сто пятьдесят тысяч долларов? Уж не на них ли зарится этот Громов, которого она видит впервые в жизни?

А что, решила Рая после секундного размышления. Скорее всего, так оно и есть. Она как последняя дура побежит в мебельный салон и начнет изображать там припадочную, а Громов преспокойно заберется в ее машину, заберет деньги, и тю-тю, поминай как звали. Фамилия наверняка не настоящая. Фотография девочки в бумажнике – для отвода глаз. Хорошо, что удалось вовремя раскусить этого прохо-

димца! Рая незаметно перевела дух.

Тем временем парень, поравнявшись с «Окой» в очередной раз, открыл водительскую дверцу, зыркнул по сторонам и наклонился, скрывшись за корпусом машины.

– Не вздумай тоже туда заглядывать, – предупредил Громов. – Просто покажись рядом, чтобы тебя заметили, а потом уноси ноги.

– Конечно, – сказала Рая упавшим голосом. – Я так и сделаю.

– Не беги, но иди быстро, – продолжал Громов свой инструктаж. – Будут окликать, не оглядывайся. Твоя – задача добраться до магазина.

– Ага.

Сунув руку в сумку, Рая машинально ощупала косметичку, в которой хранился ключ зажигания. От громовской «семерки» до «Оки» было метров двадцать пять. Вполне достаточно времени, чтобы завести машину и рвануть со стоянки. Открыв кошелек, Рая достала оттуда пару сотенных купюр и переложила их в карман пальто, намереваясь сунуть их мужику на выезде. Времени на тары-бары у нее не будет.

Парень в куртке с меховым воротником распрямился над крышей «Оки», обвел стоящие вокруг машины цепким взглядом и пошел прочь, грузно перепрыгивая лужи. Свертка при нем уже не было.

– Ничего не перепутаешь? – спросил Громов, тронув Раю за плечо. В его серых глазах отражалось что-то, похожее на

участие.

«Артист! – сердито подумала Рая. – Мэл Гибсон в роли заботливого папочки!»

Высвободив плечо, она решительно тряхнула волосами:

– Все будет в порядке!

– Сунешься в машину – погибнешь, – предупредил Громов.

– Что я, полная дура, по-вашему? – У Раи вырвался нервный смешок.

– Тогда иди.

– Чао-какао!

Громов ободряюще кивнул ей и сунул в рот сигарету. Окинув его прощальным взглядом, Рая выбралась наружу и, сутулясь под морозящим дождем, направилась к своей «Оке». Связка ключей была предусмотрительно зажата в ее влажном кулаке.

Пуская дым через приспущенное стекло, Громов следил за удаляющейся фигуркой в бордовом пальто, напоминающем покроем кавалерийскую шинель. Странный выбор для молодой особы, ноги которой не отличаются кривизной. И слишком решительная походка для девушки, которой предстоит столкнуться с бандитами.

– Черт, – пробормотал он, подавшись вперед. – Что ты задумала, дурочка?

Первым импульсом было окликнуть Раю, а еще лучше – догнать ее и хорошенько встряхнуть, чтобы заставить одуматься. Но вместо этого Громов откинулся на спинку сиденья и стиснул зубы. Он не имел права себя обнаруживать. В этом случае его замысел терял всякий смысл.

Рая остановилась возле «Оки» и по-птичьи повертела головой, высматривая возможную опасность. Громов тоже удвоил внимание, чтобы не пропустить ни одной детали. Уход бандитского посланника не усыпил его бдительность. Остальные таились где-то поблизости, наблюдая за дальнейшими действиями наводчицы. Если только она направится к мебельному салону, за ней обязательно пойдут. Тогда можно будет запомнить и лица Лехиных братков, и номер их автомобиля. Лишь бы Рая не отважилась на самодеятельность.

В том, что оставленный сверток начинен взрывчаткой,

Громов даже не сомневался. Очень может быть, что парень возился в салоне «Оки» так долго потому, что мастерил растяжку. Стоит Рае потянуть на себя дверцу, и ее не станет. Неужели она отважится на подобную глупость? Он ведь ее предупреждал...

– Уходи! – прошептал Громов. – Убирайся оттуда, идиотка!

Разумеется, Рая его не услышала. Повесив сумку на плечо, она открыла машину, поставила одну ногу внутрь.

В этот момент и грохнуло.

Огненный шар встряхнул автомобильчик как жестянку, разметав обломки по стоянке. Очевидцы замерли в тех позах, в которых их застиг взрыв. Мужчина с бутылкой минералки зачарованно следил за кувыркающейся над его головой дверцей, и вода лилась из его разинутого рта. Заголосили на все голоса сработавшие противоугонные сирены. Кричал мойщик машин, заброшенный ударной волной на крышу джипа. Ему пронзительно вторила женщина с дымящимися волосами. Ее лицо, иссеченное раскрошившимися стеклами очков, стремительно окрашивалось в красное.

А от Раи вообще мало что осталось. Лишь тлеющие клочья пальто валялись на мокром асфальте, на соседних автомобилях, на газоне с жухлой травой.

Громов сглотнул, чтобы избавиться от воздушной пробки в ушах, и в этот момент рвануло вторично – воспламенилось горючее в бензобаке одной из машин. Выброшенный наружу

водитель принялся кататься по земле, пытаясь погасить горящую одежду. Теперь закричали почти все, кто находился рядом. Застывшие человеческие фигуры задвигались вновь, порывисто, нелепо, как при ускоренных съемках.

На площадке и вокруг нее началось настоящее столпотворение. Взвыли двигатели автомобилей, которые одновременно рванули в разные стороны, спеша покинуть опасное место. Бросились врассыпную пешеходы. Женщина в разбитых очках сослепу налетела на едущую наперерез иномарку, перекатилась через ее капот и как ни в чем не бывало побежала дальше, продолжая вопить на одной высокой ноте:

– Уби-и-или! Уби-и-или!

Она-то как раз была жива. Но люди расступались перед ней, и на лицах их был написан мистический ужас.

Автомобильные клаксоны рывкали, ныли, а один из них даже выводил начальные такты «Yesterday», что усиливало ощущение абсурдности происходящего. У доброй половины тронувшихся с места машин стекла были тонированы – не разглядеть, кто сидит внутри. Понимая, что его планы рушатся, Громов выскочил наружу. Его едва не сбила «Хонда», за рулем которой сидел водитель с белым, как у мертвеца, лицом. Следующая машина обдала его фонтаном грязной воды из-под колес. Остальные хаотично выруливали куда попало и как попало, тяжело переваливая через бордюры, сметая барьеры, царапая друг о друга лаковые бока.

Какая тут слежка, к чертям собачьим! Сунув в зубы сига-

рету, Громов закурил, разглядывая эпицентр взрыва. На опустевшей площадке полыхали два почерневших автомобильных остова с выбитыми окнами. Вокруг стремительно разрасталась толпа зевак.

– Во, звери чечены дают! – возбужденно прокомментировал происходящее мужчина рядом с Громовым. – Прямо Нью-Йорк какой-то, мать его так!

Это был тот самый погорелец, на машину которого перекинулось пламя от «Оки». Избавившись от горящей одежды, он остался в трусах и майке, но, похоже, не испытывал ни стеснения, ни холода. Из его ушей струилась кровь.

– Это работа наших дорогих соотечественников, – сказал ему Громов. – Чеченцам до них далеко.

– Что? – забеспокоился мужчина. – Не слышу!

Он еще не знал, что у него повреждены барабанные перепонки.

– Не важно.

Махнув рукой, Громов вернулся в свою «семерку» и включил зажигание. До предполагаемого звонка похитителей оставалось менее восьми часов, а он понятия не имел, как будет действовать дальше.

Глава 5

Вольная борьба с организованной преступностью

1

Фролов, начальник оперативного отдела Регионального управления по борьбе с организованной преступностью, тянул в весе ровно на девяносто два килограмма. Его зам, подполковник Ивасюк, – на четыре килограмма меньше. Для того чтобы уравниваться с ними, потребовалось бы целых три младших оперативных сотрудника комплекции Костечкина, но такой Костечкин имелся в единственном экземпляре, и ему было тяжело.

Утром Фролов поручил ему подготовить доклад об успехах рубоповцев Курганской области, изъявших за отчетный период столько-то единиц огнестрельного оружия, задержавших столько-то членов вооруженных группировок, и так далее и тому подобное. С каждым годом эти цифры увеличивались. Фролов почему-то полагал, что это свидетельствует о снижении уровня организованной преступности. Андрей Костечкин придерживался прямо противоположной точки зрения, но держал ее при себе, потому что за вольнодумство

девьяностодвухкилограммовый начальник запросто мог размазать его по стенке. Поговаривали, что в трезвом состоянии Фролов мужик очень даже неплохой, хотя Костечкину об этом было трудно судить. За полгода службы в управлении он часто сталкивался с начальником, однако абсолютно трезвым не видел его ни разу. Так что отнекиваться от написания доклада он не посмел и теперь маялся над листами бумаги, которые предстояло заполнить грамотно построенными предложениями.

«Проявляя профессиональные навыки и личное мужество, – писал Костечкин, – сотрудники оперативного отдела регионального управления ведут упорную борьбу с многочисленными группировками города, представляющими угрозу для мирных граждан».

Впившись зубами в колпачок ручки, Костечкин вздохнул. Упорная борьба продолжалась слишком долго, чтобы верить в ее благополучный исход. Великую Отечественную выиграли за четыре года, а с организованной преступностью боролись с самого начала перестройки, и конца краю этому видно не было. Никто не хотел побеждать. Милиция нуждалась в бандитах, те – в милиции. Какой-то круговорот воды в природе. И толочь эту воду в ступе должны были рядовые сотрудники РУБОПа. Такие, как Костечкин.

Он снова вздохнул и принялся записывать очередную фразу, пришедшую ему на ум. Что-то про профилактику правонарушений, которая не менее важна, чем уголовное на-

казание.

В кабинете было пусто и тихо. Несмотря на вечно открытые форточки, пахло затхлым табаком и потом. Во второй половине дня большинство оперов разъехались кто куда – на встречи с осведомителями, в пивные, по бабам. Двух оставшихся сотрудников отправили на проспект Толстого – там произошел подрыв автомобиля, имелись убитые и раненые. Один лишь Костечкин сидел на месте. Сидел и выдавливал из себя казенные фразы, одна обтекаемое другой. Никакого вдохновения он не испытывал. Это ведь не Болдинская осень была, а самая обыкновенная, с насморками, слякотью и вечно грязной обувью. Проза жизни.

Осмелевшие тараканы шастали по покинутым столам, один раз из-под плинтуса высунула мордочку мышь. Костечкину было так тоскливо и одиноко, что он бросил ей кусочек колбасы, но мышь угощением побрезговала, исчезла из виду.

«Офицерский состав оперативного отдела, – написал Костечкин, – неустанно повышает свой профессиональный уровень, чтобы сделать свою работу более эффективной».

Честно говоря, лично он пошел в милицию вовсе не для того, чтобы повышать свой профессиональный уровень. Просто когда-то, много лет назад, у Костечкина имелась старшая сестра. Она бы и сейчас у него была, если бы не вышла замуж за богатого кооператора.

Однажды в дом кооператора ворвались рэкетеры и, как водится, стали требовать у него деньги. Следствие потом

установило, что преступники были лицами кавказской национальности, к тому же до одури обкуреными анашой. Для начала они отрезали кооператору все пальцы на правой руке. Костечкин даже видел садовые ножницы, которыми это было сделано, – новенькие, блестящие, с пластмассовыми оранжевыми накладками на рукоятках. Они были приобщены к делу в качестве вещественного доказательства. А еще там фигурировало опасное лезвие английской фирмы «Уилкинсон» – им срезали кооператору верхние веки, чтобы он не закрывал глаза, когда насиловали его жену, в девичестве Костечкину. Потом обоих убили, но прежде запихнули им в ушные каналы горящие сигареты.

Костечкин заставил себя присутствовать на опознании тел только потому, что рассчитывал на скорую поимку преступников. Их действительно задержали. А через неделю без всякой шумихи отпустили за отсутствием улик. Следовательно, не глядя Костечкину в глаза, пробормотал, что мерой пресечения для подозреваемых избрана подписка о невыезде. Они, само собой, такую подписку дали, но больше их в Курганске никто не видел. А Костечкин бросил институт и поступил в милицейское училище. Тогда он верил, что убийцам, садистам и насильникам станет от этого худо. Теперь сидел в пустом кабинете и писал никому не нужный доклад, каждый абзац которого был фальшивым, как семирублевая купюра.

И все равно работа была бы доведена до конца, если бы не звонок замначальника. Костечкин с горем пополам уже

закончил пятую страницу доклада и взялся за шестую. Тут-то подполковник его к себе в кабинет и выдернул. Тот самый Ивасюк, живой вес которого составлял восемьдесят восемь кг. Такой насядет – не слезет, пока не заедит до полусмерти.

– Есть дельце, – прогудел он, ставя пустой стакан почему-то не на поднос, возле графина с водой, а в сейф. – Был звонок от анонима, он говорит, что располагает важными сведениями о группировке Лехи Катка. Надо бы с ним перекалякать.

– Пусть приезжает, – пожал плечами Костечкин. – Я могу встретить его внизу.

– Ты дурак, лейтенант, или прикидываешься, в натуре? – мрачно поинтересовался Ивасюк. – Сказано же тебе: гражданин пожелал остаться неизвестным. Это что значит?

– Что?

– Это значит, что в нашу контору он соваться не хочет, чтобы не светиться. Предложил встретиться на нейтральной территории.

– Ясно, – кивнул Костечкин. – Где и когда? Завтра с утра я все равно еду в прокуратуру, так что могу...

– Не завтра, а сегодня! – рявкнул Ивасюк. Лехой Катком занимался он лично как по долгу службы, так и по велению души. Всякий раз, когда удавалось развалить очередное дело, возбужденное против молодого отморозка, подполковник получал щедрую премию. Оперативные сведения оплачивались по более низкой таксе, но и эти деньги на дороге

не валялись. – Ступай, лейтенант, – поторопил Ивасюк подчиненного. – Стрелка-то уже забита. Негоже нам, ментам, опаздывать. Мы ж не фуфлогонны какие-нибудь.

– Но Фролов поручил мне написать доклад к завтрашнему утру, – напомнил несчастный Костечкин, у которого не было зонта и протекали туфли.

– У тебя впереди целая ночь. Справишься.

– Вы же знаете, что я живу в общежитии. У нас по ночам не поработаешь. Такой дым коромыслом стоит, что...

Ивасюк, подобно гигантскому хамелеону, сменил бледно-розовую окраску на багровую.

– Речь идет о самой опасной банде города, а ты тут кочевряжишься! – заорал он. – Живо мотай на площадь Свободы и жди под памятником с газетой в руке. К тебе подойдут.

– У меня нет газеты! – заявил Костечкин, выпятив подбородок. Это был самый вызывающий демарш, который он мог себе позволить в стенах управления.

– Эх, нищета, нищета... Держи! – Ивасюк достал из стола газету и швырнул ее подчиненному.

Это была «Ночная жизнь» с голой девкой на развороте. Костечкин посмотрел на нее и мрачно подумал, что этой бляди живется в России в сто раз лучше и сытнее, чем ему, защитнику правопорядка.

– Разрешите идти? – спросил он.

– Вали! – отмахнулся Ивасюк, нетерпеливо поглядывая на сейф. – По возвращении заглянешь ко мне, доложишься.

Это означало, что придется переться обратно через весь город только для того, чтобы удовлетворить любопытство начальства.

– Есть! – вяло откликнулся Костечкин и, неуклюже развернувшись на каблуках, поплелся к выходу.

Вечерело. Водители включали фары и увеличивали громкость своих магнитофонов и приемников. Половина динамиков выдавала что-то отечественное, залихватское. Остальные гнали децибелы иностранной попсы. Но внутри проноссящих мимо иномарок ухало на совершенно одинаковый манер: умба-умба-умба. Каждая третья машина содрогалась от этого навязчивого ритма. Присутствие в них человеческих существ обозначалось лишь сигаретными огоньками.

Захлопнув дверцу «Жигулей», Громов пересек площадь Свободы и направился к памятнику, установленному в центре. Скульптурная группа изображала мускулистого рабочего с молотом и революционного солдата с винтовкой, штык которой регулярно обламывали неизвестные вандалы. Памятник возвели в честь стачки 1917 года. В народе ему дали ласковое название «Двое третьего ждут».

У его подножия торчал щуплый паренек лет двадцати четырех. Как и было условлено, он держал свернутую в трубочку газету. Раскисшая от дождя, она уныло обвисла в его руке. Это мешало рубоповцу выглядеть таким бравым, каким он хотел казаться.

– Привет, – сказал Громов, поравнявшись с ним.

– Здорово, коли не шутишь, – солидно откликнулся молоденький опер и шмыгнул носом.

Прежде чем назначить эту встречу, Громов всерьез обдумывал другой, более надежный, но и более рискованный вариант разжиться информацией о Лехе Бреславцеве. Перехватить на входе в РУБОП любого гражданина, вызванного на собеседование, выманить или отобрать у него повестку и проникнуть в управление вместо него. Любой тамошний сотрудник обладал исчерпывающими сведениями о группировке Катка и ее местонахождении. Громов сумел бы раздобыть необходимую информацию, в этом не было никакого сомнения. Но что делать с допрошенным рубоповцем после? Единственный напрашивающийся ответ не устраивал Громова, и он, поразмыслив, решил действовать иначе. Переговоры с оперативником на нейтральной территории облегчали расставание с ним без лишних эксцессов. Правда, на встречу мог явиться какой-нибудь желторотый новичок, плохо разбирающийся в криминогенной ситуации. И внешний вид щуплого милиционера настроил Громова на весьма скептический лад.

– С кем имею честь? – спросил он.

– Лейтенант Костечкин, сотрудник оперативного отдела. Начальство сказал, что ты обладаешь какой-то важной информацией.

– Что-то в этом роде, – согласился Громов.

– А кто ты такой будешь?

– Называй меня Олегом.

– Отчество имеется? – вопрос был пронизан специфиче-

ским милицейским любопытством.

Громов покачал головой.

– Обойдемся без отчества. Ты ведь все равно со мной на «ты», лейтенант.

Костечкин оказался парнем покладистым.

– Ладно, – сказал он, – пусть будет так. Выкладывай, Олег, что ты там надывал?

– Ну не здесь же? – усмехнулся Громов. – Мы с тобой не на гармошке собрались играть, у прохожих на виду.

– Конспирируешься? – в простуженном голосе Костечкина прорезалась ирония.

– По мере сил и возможностей. Идем ко мне в машину.

– Идем, – обрадовался промокший Костечкин.

Приблизившись к «семерке», он, не скрывая подозрений, обошел ее вокруг, проверяя, не прячется ли кто в салоне, а потом строго спросил:

– Почему тачка без номеров?

Громов поморщился:

– К чему эти глупые вопросы, лейтенант? Полезай внутрь, пошепчемся на более интересные темы.

Нескольких минут общения хватило Громову, чтобы составить для себя психологический портрет собеседника. Несмотря на несолидный возраст и почти мальчишескую внешность, парень принадлежал к числу тех людей, у которых есть некий стержень, не позволяющий гнуть их, как заблагорассудится. На испуг Костечкина не очень-то возъ-

мешь. Правда, окажись перед Громовым настоящий враг, а не этот молоденький милиционер, он все равно сумел бы сломать его, но в данном случае крайние меры исключались. К Костечкину следовало искать иной подход, гуманный, не представляющий угрозы для здоровья. И первое, что сказал Громов, когда они уселись в машину плечом к плечу, это:

– У меня к тебе просьба, лейтенант. Не хватайся за табельное оружие, даже если тебе не понравится то, что ты от меня услышишь. Договорились?

– Там видно будет, – ответил Костечкин. Его куртка была предусмотрительно расстегнута на груди.

– Чтобы запустить руку за пазуху и достать пистолет из наплечной кобуры, тебе потребуется не менее трех секунд, – заговорил Громов, глядя в окно перед собой. – Плюс время на взведение курка и на снятие оружия с предохранителя. Это уже в два раза больше. – Он помолчал, давая оперативнику обдумать услышанное, а потом добавил: – Я уж не говорю о том, что не так просто направить ствол на человека, который расположился к тебе вплотную. Тесновато тут для стрельбы, не находишь?

– Вот что, гражданин, угрожать мне бесполезно. Вам от этого, вместо пользы, один сплошной вред может быть, предупреждаю! – На протяжении всей этой тирады Костечкин ни разу не позволил себе шмыгнуть носом, и теперь его кончик влажно блестел в полумраке салона.

– Мы ведь, кажется, договаривались, что ты будешь звать

меня Олегом, – напомнил Громов примирительным тоном.

– А ты меня не пугай! – Воскликание, преисполненное обидчивых ноток, прозвучало очень по-детски.

– Никто тебя не пугает, лейтенант, что ты! Это была лишь констатация факта. Урок на будущее, если хочешь.

– Я и без тебя ученый! – отрезал Костечкин. – Выкладывай, что там у тебя, и давай разбегаться. Мне еще в управление возвращаться. Своим ходом, между прочим.

– Я подброшу, – пообещал Громов.

– Разберемся. Говори.

Снаружи сгушался мрак. Стоило Громову представить себе, каково сейчас Анечке, которая всегда панически боялась темноты, и желание миндальничать с милиционером пропало. В конце концов, это он и ему подобные довели страну до того, что законопослушные граждане превратились для уголовного мира в беззащитных овец. Нельзя только воровать по мелочам да убивать собутыльников по пьяни. Все остальное дозволено. Преступники, о которых милиция знает всю подноготную, творят что хотят: взрывают машины среди бела дня, отстреливают неугодных им людей, похищают маленьких девочек. А управу на бандитов имеют исключительно сами бандиты. Милиция лишь облагает их данью, служа им своеобразной «крышей». Заказное убийство имеет одну цену, а его нераскрытие – другую. Но суть одна: подмена закона уголовными понятиями.

– Слушай меня внимательно, лейтенант, – отчеканил Гро-

мов. – В действительности я пришел, чтобы получить информацию, а не сообщить ее тебе. Она нужна мне позарез, так что отмалчиваться не советую. В беду попала маленькая девочка пяти лет. Ради нее я готов на все. – Пристально глядя на рубоповца, Громов повторил: – *Абсолютно на все. Понимаешь меня, лейтенант?*

– Ты что же, допрашивать меня собираешься? – улыбка у Костечкина получилась кривоватой.

– Не хотелось бы. Я надеюсь, что ты войдешь в мое положение и поговоришь со мной на добровольных началах.

– Это шутка такая?

– Какие могут быть шутки? – Громов пожал плечами. – Знаешь, у меня богатый опыт в проведении допросов, лейтенант. Например, я мог бы схватить тебя за горло и перекрыть тебе кислород. – Он продолжал смотреть на Костечкина, готовясь отреагировать на его малейшее движение. – Человеческий мозг работает на кислороде, как вот эта колымага, – хлопок ладони по приборной панели, – на бензине. При умелом подходе семи-восьюми сеансов вполне достаточно, чтобы превратить оппонента в полного идиота, пускающего слюни и выбалтывающего любые, самые сокровенные тайны. – Громов придержал встрепенувшегося Костечкина за плечо. – Но я не хочу, чтобы ты стал идиотом, лейтенант. Ты парень смысленный, сообразительный, вот и оставайся таким. Я надеюсь, что ты войдешь в мое положение и поможешь мне просто так, без нажима.

Некоторое время Костечкин сидел молча, и было непонятно: то ли он оценивает услышанное, то ли прикидывает свои шансы одержать победу в рукопашной. Наконец, сосредоточенно пошмыгав носом, он спросил:

– А с официальным заявлением обратиться в органы не желаешь?

– Не желаю, – подтвердил Громов. – Органы, они есть органы. Пока переварят, пока разродятся...

– Ну, в общем, тут ты прав, – неохотно признал Костечкин.

– А я не имею права на ошибку. Девочка, о которой я упомянул, моя внучка. Она похищена. За нее требует выкуп бригада Лехи Катка. Но полутора миллионов долларов, о которых идет речь, никто из моих близких никогда в глаза не видел. Такая вот ситуация, лейтенант. – Громов неожиданно для себя перешел на просительный тон: – Помоги, а?

– Что ты собираешься предпринять? – поинтересовался Костечкин. Выражение его лица было мрачным, как на поминках. Лоб прорезали морщины, которые раньше были незаметными.

Громов немного расслабился. Стало ясно, что рубоповец не собирается состязаться с ним в силе и быстроте реакции. Похоже, поведенная история напомнила ему что-то свое, сокровенное. И в глазах Костечкина читались не только понимание и сочувствие, но и затаенная боль.

Отметив это, Громов ответил на заданный вопрос так:

– Для начала я хочу узнать, сколько человек в банде этого самого Лехи Катка, где у них лежка, как до них лучше добраться. У вас ведь имеются оперативные сведения такого рода?

– Имеются. Да только тебе они вряд ли помогут, Олег.

– Помогут, – оживился Громов.

– Каток не по понятиям живет, – медленно произнес Костечкин. – Отморозок полнейший. А потому врагов у него, как блох на поганой собаке. Каждый его замочить рад. Бережется, ублюдок. С оглядкой ходит, вполглаза спит. Такие вот дела.

– Где я могу его найти? – упрямо спросил Громов.

– Я сам тебе покажу, – неожиданно заявил Костечкин. – Заводи мотор.

– Рехнулся, лейтенант?

– Наверное. Да только это не важно. У меня давно к бандюкам свой счет имеется. Особый...

Желваки на скулах рубоповца сделались твердыми, как сливовые косточки за щеками. Громов хотел было попытаться его переубедить, а потом молча кивнул и включил зажигание автомобиля.

Есть мужчины, которые не отступают от принятого решения. Даже если у них цыплячья шея и мокрый нос.

Громов был вооружен необычным пистолетом, можно сказать, уникальным.

В конце 80-х годов прошлого века командование спецподразделений сухопутных войск США приняло решение о создании специального «наступательного личного оружия» для применения его в ближнем бою, с дистанции двадцать пять – тридцать метров.

Заказ выполнила западногерманская фирма «Хеклер энд Кох», назвав свою модель «Universal-Selbstlade Pistole». Этот «универсал» был предусмотрительно подогнан под самые ходовые на международном оружейном рынке патроны 9х19 мм для систем «парабеллум» и «смит-вессон». Причем немцы изготовили два варианта пистолета – коммерческий и служебный.

Громову посчастливилось обзавестись служебным «универсалом», значительно более совершенным. Причем самой новой его моделью, сорок пятого калибра. В переводе на русский это означало, что пистолет стреляет одиннадцатимиллиметровыми патронами, которых, кстати, у Громова с прошлых времен осталось навалом.

Минувшим летом он не только уволился из спецподразделения ФСБ, но также лишился любимого револьвера «смит-вессон» и долго не мог привыкнуть к своему новому статусу

совершенно штатского и абсолютно безоружного человека.

Нельзя сказать, что Громов ушел в отставку обеспеченным человеком, нет. Что-то около девятисот долларов у него осталось от лучших времен. Супруга, прознав об этой сумме, принялась мечтать вслух о совместном отдыхе в Анталии. Громов терпел две недели, а потом сорвался – кажется, когда увидел купленные для него сандалии и шорты, в которых он не рискнул бы появиться даже на дачном участке. Многие мужики на его месте отправились бы лечить нервную систему в кабак или к любовнице. Громов поехал на автомобильный рынок и, обратившись к нужному человеку, обзавелся «универсалом». Супруга после того случая перебралась жить к сестре, но, поразмыслив, Громов пришел к выводу, что эту потерю он переживет. Положа руку на сердце, он был вынужден признать, что без оружия ему жилось куда тоскливее, чем без дражайшей половины.

Приобретение стоило выложенных за него шести сотен. «Универсал» был оснащен десятизарядным магазином, на задней стенке которого имелись отверстия с цифрами, подсчитывающими оставшиеся выстрелы. Вести прицельную стрельбу из этого чудо-пистолета можно было даже в потемках благодаря тритиевому источнику, встроенному в мушку. В умелых руках «универсал» допускал самое минимальное рассеивание пуль – всего пять сантиметров на двадцать пять метров. Тренируясь, Громов постоянно улучшал этот показатель и как-то под настроение расплющил друг о друга це-

лых три, посланных одна в одну, пули.

Относительно короткий, приятно увесистый (почти два кило) «универсал» зарекомендовал себя идеальным оружием. В отличие от большинства стандартных пистолетов, он весь, до мельчайшего винтика, был покрыт антикоррозийным покрытием, придававшим ему неповторимый матово-черный оттенок.

В настоящий момент это чудо техники хранилось в левом внутреннем кармане Громова, согревая его сердце. Трудно представить, как он стал бы выкручиваться сейчас, не вооружись заблаговременно. Не зря древние говорили: «Хочешь мира, готовься к войне».

Война... Сколько помнил себя Громов, столько она продолжалась: в мире, в стране, в любой точке, куда забрасывала его судьба, днем и ночью. И то обстоятельство, что порой выстрелы затихали, ничего не меняло на планете под названием Земля. Невооруженный человек всегда оказывался слишком слабым и уязвимым, чтобы отстаивать свои права, свободу, жизнь. Побеждать зло удавалось только с оружием в руках.

– Еще далеко? – спросил Громов, повернувшись к своему неожиданному союзнику.

– Минут пятнадцать езды, – откликнулся Костечкин.

Янтарное свечение приборов отражалось в его зрачках, отчего они казались по-кошачьи хищными. Некоторые светофоры уже переключились на ночной режим работы и то-

же глядели в ночь желтыми глазами. Встречные галогенные фары полыхали ослепительно белым. А еще в темноте было много алого, малинового и рубинового – это сияли габаритные огни попутных машин. Поскольку все это буйство красок отражалось на поверхности мокрого асфальта, легко было представить, что «семерка» не по дороге катит, а летит во мраке, не касаясь колесами земли.

Громов покосился на спутника:

– Что за парень этот Леха Бреславцев? Говорят, он отчаянный?

– Не то слово, – ответил Костечкин. – Безбашенный он. Совершенно.

– Это как?

– А на рожон вечно прет. «Синих», то есть блатных, в грош не ставит. С местными авторитетами не считается. Теперь вот ребенка похитил, а это уже... – Не найдя нужного определения, Костечкин сплюнул в открытое окно и завершил мысль: – Короче, докатился Леха.

Глаза Громова превратились в щелочки.

– На то он и Каток, чтобы катиться. Много у него людей в команде?

– Людей? – саркастически переспросил Костечкин. – Таких среди беспредельщиков не бывает. А быков под Катком обычно семь-девять. Основное ядро постоянное, но рядовые бойцы частенько меняются.

– Текучесть кадров?

– Ага. Кровавая. Иногда даже жаль становится этих придурков – ну куда лезут? Ради чего? Неужто за сытную жратву готовы жизни свои молодые положить?

– Они сами выбрали свою судьбу, – жестко произнес Громов. Это прозвучало как приговор.

– Не-а, – не согласился Костечкин. – Я так полагаю: нас всех судьба выбирает, а не наоборот.

– Неужели?

– Точно, Олег. Вот смотри: я сегодня доклад начальнику писал и даже подумать не мог, что вместо того, чтобы вечером в общаге водку жрать, с тобой на дело поеду. А оно вон как обернулось.

Громов улыбнулся:

– Глупости, лейтенант. Ты сам помочь мне вызвался, никто тебя за шкурку не тащил. Это твой выбор. Твоя судьба.

Костечкин с сомнением покачал головой:

– Вряд ли. Судьба, она как дорога. Если не я на нее сверну, то кто-нибудь другой на ней обязательно окажется.

– Кстати, о дороге, – сказал Громов. – Мы, случайно, за разговорами нужный поворот не пропустили?

Костечкин подался вперед, вглядываясь в темноту, и с досадой признался:

– Пропустили. Теперь придется разворачиваться и ехать назад.

– Вот видишь, – заметил Громов, выруливая на обочину. – Дорога – это просто дорога и ничего более. По ней всегда

вернуться можно. А выбранную судьбу не перекроишь. Так кто кого выбирает, м-м?

Взревев двигателем, «семерка» газанула в обратном направлении.

В здании средней школы № 37 светились несколько окон, но даже издали было ясно, что это горят люминесцентные лампы в пустых коридорах. Что касается пристройки, облюбованной группировкой Лехи Катка, то оконные проемы в ней были наглухо заложены кирпичом. Здешние обитатели так любили жизнь, что превратили ее в добровольное заключение.

– Ограда для нас не помеха, – рассуждал Костечкин в машине, приткнувшейся за мусорными баками. – Насколько мне известно, охраны во дворе нет. У них там камера наружного наблюдения установлена.

– Странное кино получается, – заметил Громов, борясь с искушением закурить сигарету. – РУБОПу отлично известно, кто такой Бреславцев и где он скрывается со своими боевиками. Неужели нельзя взять этих бандитов всем скопом?

– Для этого команда сверху нужна.

– А ее не дают?

– Иногда дают, – угрюмо сказал Костечкин. – На моей памяти дважды такое происходило. И дважды Лехину кодлу отпускали на все четыре стороны. Зато мои начальники машины сменили и особняки себе возводить начали. Небось после третьей операции закончат строительство.

– А вот хрен им, – пробормотал Громов. – Не отстегнет

им больше Бреславцев денежек, хватит. – Сигарета, которую он машинально разминал в пальцах, переломилась.

– Как действовать будем, Олег? Учти, минут через двадцать после начала пальбы сюда кто только не понаедет. Собровцы, омовцы, федералы, наши орлы. – Костечкин почесал затылок. – Мне ведь себя никак обнаруживать нельзя.

– Успеем, – заверил Громов. – А на всякий случай держи. – Он достал из бардачка трикотажную шапочку и сунул ее оперу. – Прорежь отверстия для глаз, и ни одна собака тебя потом не опознает.

– А ты?

– Тот, кто меня увидит, уже никаких показаний дать не сможет. Разве что на том свете.

– Но как мы на их «малину» проникнем? – деловито осведомился Костечкин, орудуя перочинным ножом, позаимствованным у спутника. – Соображения имеются?

– Имеются, – ответил Громов, вспоминая обстановку во дворе, которую он бегло изучил, прогулявшись вдоль ограды.

Насколько можно было судить по увиденному сквозь щели между бетонными плитами, внутренний двор представлял собой неправильный треугольник, самая длинная грань которого составляла метров пятнадцать. Там царили мрак и полное запустение. Бандиты поленились вывезти всякий хлам, и теперь их четыре автомобиля едва умещались на свободном пространстве.

– Ну! – подал нетерпеливый голос Костечкин.

– Расклад примерно такой, лейтенант, – заговорил Громов. – Камера наблюдения нам не помеха, сомневаюсь я, чтобы Леха догадался инфракрасной оптикой обзавестись, раз даже на прожектор не расщедрился.

– Резонно.

– Следовательно, главное – не приближаться ко входу ближе чем на десять шагов, и тогда нас не обнаружат.

– Согласен, – кивнул Костечкин.

– Как думаешь, – спросил Громов, – бандюки высунутся наружу, если на одной из их машин сигнализация сработает?

– На бандитских тачках не бывает сигнализации, Олег. Братва сама себе противоугонная система.

– Что верно, то верно. – Помолчав, Громов хлопнул спутника по плечу: – А как насчет костерка?

– Какого костерка? – опешил Костечкин.

– Представь себе: во двор забралась какая-нибудь шпана и развела огонь. В самой непосредственной близости от «бэ-эмвух» и «мерсов». Ну, как тебе такая картинка?

– Костер горит, а рядом никого нет? – пробормотал Костечкин. – Стоит искре попасть в бензобак – и бумс! – Он взмахнул руками, изображая взрыв.

– Нужно бандитам такое «бумс»? – улыбнулся Громов. Временами ему казалось, что он имеет дело не с лейтенантом милиции, а с заигравшимся пацаном.

– Не нужно, – подтвердил рубоповец, улыбаясь в ответ.

– Что и следовало доказать. Сдается мне, отворяя дверь, бандиты не додумаются выключить свет в помещении. – Выражение громовского лица сделалось серьезным. – Мы будем видеть их как на ладони, а они нас – нет. Только вспышки выстрелов в темноте. – Громов внимательно посмотрел на спутника. – Поэтому ни в коем случае не стой на месте, а все время перемещайся. Стрелять на ходу приходилось?

– А то! – уверенно заявил Костечкин, вспоминая тир управления.

Там имелись лишь мелкокалиберные пистолеты, патроны к которым выдавались от случая к случаю, не более трех штук в одни руки. Сотрудники расписывались за получение пяти полных обойм. Если верить отчетам, то каждый из них палил в тире с утра до вечера, и навскидку, и с упора, и чуть ли не стоя на ушах. В действительности лучшим достижением Костечкина оставалось пока попадание в круг мишени с двадцати метров. Поэтому он не любил крутых американских боевиков и, если доводилось смотреть их с подружками, не забывал сообщить им, что происходящее на экране – полная белиберда. Теперь, представив себе, как он станет стрелять по силуэтам противников, мотаясь при этом по захламленной площадке в шапочке с прорезями для глаз, Костечкин вдруг пожалел о том, что не вооружен автоматом или, что было бы еще замечательнее, ручным пулеметом.

– Покажи-ка свой пистолет, – попросил его Громов.

Забрав у спутника табельный «ПСМ», он снял его с

предохранителя, оттянул планку затвора и, убедившись, что медная гильза находится на месте, возвратил ствол со словами:

– Будешь прикрывать меня с тыла, лейтенант. Смотри, я на тебя полагаюсь. Не хотелось бы мне получить пулю в спину в самый решающий момент.

– Кто же тебе в спину стрелять станет? – удивился Костечкин.

– Если ты будешь держаться позади, то, надеюсь, никто.

На самом деле Громову сделалось неуютно при одной мысли о том, что за его спиной будет находиться вооруженный человек, который вытаскивает пистолет из кобуры двумя пальцами, словно боясь об него обжечься. Возвращая «ПСМ» рубоповцу, Громов незаметно застопорил флажок предохранителя. Толку от выстрелов Костечкина ожидалось немного, зато, если он не обнаружит себя вспышками пламени, пули его не заденут. За то время, пока напарник сообразит, почему не может нажать на спусковой крючок, Громов рассчитывал уложить всех, кто выскочит наружу, и ворваться в бандитское логово. Дальше будет видно. Если будет.

В колпаке, превращенном в маску, Костечкин чувствовал себя дурак-дураком. Не догадавшись продырявить материю на уровне рта и носа, он теперь мучился без свободного доступа кислорода, тем более что от волнения его дыхание сделалось учащенным. Присев за грудой проржавевшего металлолома, Костечкин поглядывал то на пылающие ящики, то на дверь спорткомплекса. Она могла открыться в любую секунду, и тогда придется стрелять в живых людей, чего ранее Костечкину делать не доводилось. Еще сильнее тревожило его то обстоятельство, что и сам он еще ни разу не бывал под пулями.

Громов же, застывший на одном колене чуть ближе к зданию, выглядел совершенно невозмутимым и неподвижным, как темное изваяние. Вместо того чтобы заранее взять пистолет на изготовку, он держал его в расслабленной руке дулом вниз, заставляя Костечкина нервничать. Чтобы не выдать себя шумом, лейтенант был вынужден прекратить шмыгать носом, и теперь его импровизированная маска уже начала промокать спереди. Короче, это были очень неприятные минуты, которые не хотелось бы переживать снова и снова.

Когда распахнулась дверь и на пороге возникли две мужские фигуры, почти черные на фоне светлого прямоугольника, Костечкин, готовившийся к этому моменту, остолбе-

нел. Бандиты оказались гораздо ближе, чем это представлялось во время томительного ожидания. И оба держали в руках оружие.

– А ну выходи! – рявкнул один из них. – Куда вы попрыгались, твари?

– Урою вас всех! – пообещал второй. – На своем же костре спалитесь, бомжары вонючие!

Костечкин с трудом проглотил слюну и, кое-как прицелившись, нажал на спусковой крючок. Выстрел прозвучал почему-то поодаль, и, лишь увидев сгусток пламени, вырвавшийся из пистолета Громова, лейтенант понял, что собственный «ПСМ» дал осечку.

– А! – крикнул бандит, вышедший на крыльцо первым. И снова: – А!.. А!..

Удар тупоконечной латунной пули со стальным сердечником заставил его крутнуться волчком. И все же он исхитрился выпустить автоматную очередь. Специалист сразу определил бы по гулким, отрывистым звукам выстрелов, что огонь ведется из укороченного «АКСУ», но Костечкин не являлся таковым специалистом. В него еще никогда не палили из автомата. Ему показалось, что кто-то с невероятной скоростью колотит молотком по листу железа: бу-бу-бу-бу-бум! Неровное желтое мерцание плясало вокруг пламегасителя автомата. От этого зрелища хотелось упасть на землю и закрыть глаза.

Потом раненый ударился об стену и начал сползать по ней

вниз, а на смену молотку пришел стократно усиленный стрекот швейной машинки.

Ррра-та-та-таххх!.. Ра-та-та-та-та-та!..

Это затараторил «АКСМ» в руках второго бандита.

Над левым плечом Костечкина промчался упругий поток воздуха. Чувствуя, как вставшие дыбом волосы приподнимают шапочку на его голове, он все давил и давил на застопорившийся спусковой крючок, а стрелял вместо него по-прежнему Громов.

Хлоп – и бойкого автоматчика с крылечка как ветром сдуло. Хлоп – и его напарник оставил попытки устоять на ногах, цепляясь за фундамент.

Как только стрельба стихла и к Костечкину вернулась способность соображать, он осознал сразу две вещи. Во-первых, что все это время его «ПСМ» стоял на предохранителе. Во-вторых, что левый рукав его куртки промок насквозь, а рука онемела. Боли, правда, не было. И страх тоже куда-то подевался.

Торжествующе крича, Костечкин бросился вслед за Громовым к распахнутой двери, но в этот момент из-за нее выглянул третий бандит.

Как и предполагал Громов, расправиться с противниками, слепо высунувшимися из света в темноту, не составило особого труда. Парни были то ли пьяными, то ли обкуреными. Автоматы в их руках заносило стволами вверх, на прицельную стрельбу они были не способны.

Одному Громов прострелил грудь и бедренную артерию, второму вогнал пулю в глотку вместе с передними зубами.

Но на этом атака захлебнулась. Проникнуть в бандитское логово не удалось. Самый осторожный из братков, притаившийся за дверью, успел захлопнуть ее перед самым носом набегавшего Громова.

– Ч-черт!

Он с разбегу ударился в металлический щит плечом, хотя уже понимал, что это бесполезно. Дверь даже не дрогнула, зато отбросила Громова назад, прямо на подоспевшего Костечкина.

Заметив, что рубоповец собирается что-то сказать, Громов предостерегающе прижал к губам палец и, вскинув «универсал», разнес выстрелом уставившуюся на них видеокамеру.

– Мы самые обыкновенные бандиты, – прошептал он бледному Костечкину.

– Угу, – кивнул тот.

– Открывайте, суки! – заорал Громов, пиная бронированную дверь. – Отдайте нам Катка и живите. Нет – всех на ремни порежем, бычье поганое!

Никто на его призыв не откликнулся, а вышибить дверь, запирающуюся на хитроумные штыри-распорки, было нереально. Но Громов продолжал буйствовать, оглашая тишину свирепыми возгласами, а потом к нему подключился и Костечкин, который выдавил из себя пару-тройку витиеватых блатных выражений. Оба старались вовсю. Ведь стоило бандитам заподозрить, что они явились за Анечкой, и ей бы не поздоровилось. А вот нападение враждебной группировки никак не могло отразиться на судьбе девочки. Дело для Лехи Катка обычное, учитывая его образ жизни.

Где-то вдали взвыла милицейская сирена, потом еще одна. Ощутивший невероятную слабость Костечкин заволокся, подергал спутника за рукав и показал жестом: пора уходить.

Громов кивнул, но, прежде чем начать отступление, приблизился к распростертому на асфальте бандиту и недрогнувшей рукой всадил ему пулю в голову. Когда он проделал то же самое со вторым, Костечкин отвернулся и побрел на подгибающихся ногах в темноту. Пришлось догонять его и подталкивать к ограде, придерживая за плечо. Оно оказалось у рубоповца горячим и мокрым. Бросив взгляд на свою пятерню, Громов увидел, что она окрасилась в красный цвет.

– Только не падай, парень, – попросил он. – Не время.

– Я держусь, – заверил его Костечкин заплетающимся языком. Вести его было все равно что в стельку пьяного, а сирены заливались все ближе и ближе.

Подсаживая лейтенанта на ограду, Громов в последний раз оглянулся на поле боя. Никто не спешил отомстить за погибших товарищей. Так и будут валяться, пока из них не вытечет литров десять крови, которая к утру превратится в спекшиеся бурые коржи.

– Зачем ты их... так? – спросил Костечкин, когда обнаружил, что он сидит на переднем сиденье «семерки», а его левое плечо туго перетянuto собственным брючным ремнем.

– О чем ты, лейтенант? – Громов выжал сцепление и повел машину вдоль ограды, спеша достичь ближайших многоэтажек, среди которых можно было затеряться.

– Эти бандиты, – напомнил слабым голосом Костечкин. – Они ведь и без того были мертвые.

– Контрольные выстрелы. Специфика работы у бандитов такая, соображаешь? – Прибавив газу, Громов бросил взгляд на обмякшего спутника и велел: – Ты умирающего лебедя из себя не строй, пуля навывлет прошла, тебе только мякоть плеча задело. Лучше возьми-ка вот это, – он сунул раненому шуршащий полиэтиленовый мешок, – и обмотай себе руку.

– Не понял? – Поморщившись, Костечкин постарался сесть как можно более прямо.

– А что тут понимать? – удивился Громов. – Чехлы в машине новые, ни к чему их кровью марать.

– Чехлы, значит, – протянул Костечкин. Ему вдруг сделалось обидно. В кино к раненым относились совсем иначе. Их всячески подбадривали, говорили им хорошие слова, утешали. Никто не попрекал их сиденьями, перепачканными кровью.

– Да не обижайся ты, чудак-человек, – усмехнулся Громов, заметив, с каким выражением лица лейтенант выполняет распоряжение. – Мне не этих паршивых чехлов жалко. Но лишние улики нам с тобой ни к чему.

– А! – в восклицании Костечкина прозвучало облегчение.

«Семерка» тем временем петляла по дворам, высвечивая фарами то мокрые кусты, то стайки подростков на скамейках, то флуоресцентные кошачьи глаза. Машину подбрасывало на колдобинах, ее днище обдавали потоки грязной жижи. Зато протяжные сирены смолкли, и это было хорошо. Слушать их, все равно что терпеть зубную боль.

– Добрались до места происшествия, надо полагать, – прокомментировал Костечкин.

– Кто? – поинтересовался Громов, явно занятый собственными мыслями.

– Менты, кто же еще? Мусора.

– Мусора? Ты сказал это так, словно подал в отставку.

– Наверное, так оно и есть, – буркнул Костечкин. Фраза вырвалась у него сама по себе, раньше, чем он успел ее обдумать, но захотелось повторить с неизвестно откуда взявшейся убежденностью: – Так оно и есть.

Громов бросил на спутника испытующий взгляд:

– Да ты не дрейфь, лейтенант. Все обойдется. Трупы спишут на криминальные разборки, ты тут не при делах. – Помолчав, он продолжал уже другим, озабоченным тоном: – Лишь бы Леха впопыхах с насиженного места не снялся. Это

единственное, чего я опасаюсь.

– Да на Катка уже раз десять покушались, и все без толку, – сказал Костечкин. – Менты понаедут? Пусть наезжают. Убитых граждан Бреславцев, разумеется, в глаза никогда не видел, и вообще он мирно спал, пока возле его офиса какие-то нехорошие люди между собой отношения выясняли. – Костечкин покачал головой. – Нет, пока Леха бандитствует, деньги у него всегда водятся, а пока есть деньги, все вопросы с нашей конторой порешать можно. Вот и выходит, что он в своем офисе, как тот Бен Ладен в катакомбах. Хрен выкуришь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.